

A romantic couple is shown in a close embrace in an autumn setting. The man, wearing a dark jacket and dark trousers, is lifting the woman. The woman is wearing a bright orange sweater, dark trousers, and tan high-heeled boots. They are surrounded by falling yellow and orange leaves. The background is a soft-focus autumn forest. The entire image is decorated with white film strip borders and glowing golden particles.

Намануза Зофр

перевоспитать
охламона

Натализа Кофф

Перевоспитать охламона

«Натализа Кофф»

2022

Кофф Н.

Перевоспитать охламона / Н. Кофф — «Натализа Кофф», 2022

Груня Пепел – странное имя для привлекательной девушки. Но неунывающий человечек уже привык к ударам судьбы и воспринимает их так, как ее учили с раннего детства. «Нужно ждать чуда, Груня, и оно случится» – так твердила тетушка, воспитавшая ее. Но мудрая родственница не учла одного: чудо может появиться в самый неподходящий момент, когда его не ждут, может внести в привычные рутинные будни хаос и разнести в душе юной девушки весь порядок к чертовой матери. А еще у этого хаоса, или же чуда окажутся в наличии милая улыбка и скверный характер. Так справится ли юная Груня с чудом по имени Василий?

© Кофф Н., 2022

© Натализа Кофф, 2022

Содержание

Глава первая, в которой появится неунывающая Груня Пепел	6
Глава вторая, в которой активизируются защитники Груни	11
Глава третья, в которой Василий Павлович хмуриться и нервничает	17
Глава четвертая, в которой у Василия Павловича проснется рыжеволосая совесть	21
Глава пятая, в которой Груня искренне удивится, но вида не подаст	24
Глава шестая, в которой Груня Пепел мило смутится, немного расстроится и растеряется	29
Глава седьмая, в которой Груня Пепел встанет перед непростым выбором	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Натализа Кофф

Перевоспитать охламона

© Натализа Кофф, 2022

Глава первая, в которой появится неунывающая Груня Пепел

Дождь всегда нравился Груне. Еще с самого детства она любила пробежаться по лужам, оставляя брызги на загорелой коже. Когда одноклассницы-девчонки торопились спрятаться под козырек школы, Грунька прыгала под дождем, звонко смеясь. В деревне, где родилась и выросла девчонка, где каждый кустик был знаком и мил юному сердечку, все выглядело иначе. И лужи чище, и воздух после дождя свежее. А город.... Город Груню угнетал. Но даже здесь девчонка не отказывала себе в удовольствии пройтись под морозящим дождиком. Правда, под зонтиком и в высоких резиновых сапожках на каблучке и с разноцветными жирафами.

Из дома, где проживала бабушка и который на время учебы станет и ее домом, Грунька выбежала загодя. Собеседование назначено на три часа. Времени вагон, если учесть, что идти всего пару кварталов. И, по словам соседей, место спокойное, тихое, не абы какая забегаловка, а целый ресторан. К тому же, хозяин – милейший человек, по телефону пообещал гибкий график и возможность пропускать смены, если выпадут экзамены в институте, куда поступила Грунька сразу после окончания школы. Девчонка выбрала факультет журналистики, мечтая стать фотокорреспондентом, и печатать свои снимки в местной районной газете, а если и повезет – то в областном Вестнике.

Перепрыгивая через лужи с большими лопающимися пузырьками на поверхности от крупных капель дождя, Груня и не заметила, как оказалась напротив ресторана с красивым крылечком и резными перилами. Вывеска, тоже красивая и резная, над входом мягко и элегантно сообщала прохожим, что здание это является рестораном под названием «Барин», в котором у юной Груньки назначено собеседование с владельцем на должность официанта. А поскольку до оговоренного времени оставалось еще почти двадцать минут, девушка решила постоять и полюбоваться пестрыми листочками дерева, чудом выросшего прямо у входа.

Не удержавшись, Груня вынула фотоаппарат, на который долго копила, и принялась ловить убегающие кадры.

Щелк. И в памяти остался ярко-рыжий листок, упавший на прозрачную лужицу. Листочек Груне понравился, уж очень сильно он напоминал цвет ее волос, собранных сейчас под мягкую вязаную шапку-чулок.

Щелк. И в кадр попал кот, сидящий на сухом пяточке крыльца. Кот поджимал лапы и глядел на падающие с неба капли. Забавная мордашка с огромными усами выражала полнейшее безразличие к человечеству и громаднейшее недовольство погодой.

Щелк. И в объектив попала широкая спина, загородившая ствол дерева, на ветке которой приютился мокрый воробей, по непонятным причинам не юркнувший в укрытие, где тепло и сухо.

Отодвинув камеру, Груня нахмурилась. Обходить широкую спину было рискованно. Воробей мог испугаться и улететь, и тогда кадрик будет окончательно упущен.

– Молодой человек! – громким шепотом, чтобы не вспугнуть птичку, – Извините, а вы не могли бы капельку сдвинуться с места?

Груня вежливо улыбалась, а головой, да и глазами, показывала, куда просит парня сдвинуться.

Хозяин спины, хмурясь и зажимая сигарету в зубах, обернулся.

– Чё? – кашлянул парень.

Под изумленный выдох Груни воробей, испугавшись громкого кашля парня, взлетел с ветки и скрылся в неизвестном направлении. Такой кадр! Вот ведь неудача!

– А нельзя было не кашлять так громко?! – возмутилась Груня, пряча камеру в чехол.

– А может, мне и дышать через раз? – возмутился незнакомец, выбрасывая окурок в ближайшую лужу.

Проследив взглядом, как окурок гаснет в воде, Груня нахмурилась.

– Вас в детстве манерам не учили? – цокнула языком девчонка, – Урны стоят как раз для мусора, а не для украшения.

– Слышь, пигалица, – возмутился парень, – Чего пристала? Иди куда шла.

– А вы сдвиньтесь, – бесстрашно расправила плечи Груня, – Заслоняете собой всю улицу. Не пройти, не проехать.

– Да больно надо, заслонять, – проворчал уже в спину удаляющейся Груне хамоватый незнакомец.

– Засранец, – фыркнула Груня, взбегая по лестницам крылечка и не оглядываясь назад, – Заставить бы самого убирать, знал бы, как мусорить.

Груня скрылась за дверью ресторана, а молодой человек, до слуха которого четко донеслась последняя фраза девушки, смотрел ей вслед.

– И че это за инопланетное чудо? – проворчал под нос владелец широкой спины, скверного характера, испорченного настроения и половины ресторана «Барин».

* * *

Стянув шапку с рыжих волос, стряхнув капли дождя с непромокаемой ветровки, девчонка смело шагнула к стойке, за которой разговаривал по телефону молодой человек с бейджем на груди.

Подойдя ближе и вежливо улыбнувшись, Груня принялась ждать, когда же парень завершит разговор.

– Добрый день, у вас заказан столик? – поинтересовался молодой человек, обратив на Груньку внимание.

– Нет, я по поводу работы, – улыбнулась девушка, – Я звонила. Мне сказали подойти к трем и спросить Павла Павловича.

– Ой, как хорошо, что ты вовремя! – обрадовался парень, – У нас тут настоящая эпидемия. Три официанта не вышли в смену! Простуда, мать ее дери!

– Вообще-то, меня еще не взяли, – скромно улыбнулась Груня, разматывая с шеи длинный ярко-зеленый шарф.

– Ты с Пал Палычем говорила? Говорила! – продолжал радоваться парень и одновременно тащить Груню за рукав куртки через зал в сторону неприметной двери, – А ну-ка улыбнись!

Груня послушно расплылась в улыбке. Уж больно смешной был этот парень по имени Владимир, если верить бейджу на его груди.

– Чудесная улыбка! Прямо, как любит сам Пал Палыч! – радовался Владимир, – Старикан тебя увидит и сразу возьмет. Еще и мозги всему персоналу прочешет, чтобы ребенка обижать не смели.

– Да я и не ребенок, – пожала плечом Грунька. В ответ Владимир хмыкнул. Впихнул девчонку в открывшуюся дверь, а сам помчался обратно, на свой пост.

– Кхм... Добрый день! – несмело поздоровалась Груня, входя в незнакомую комнату.

За столом у противоположной от входа стены сидел седовласый, коротко стриженный мужчина. Очки, сдвинутые на нос, и пронзительный взгляд карих глаз замер на застывшей в дверях Груне.

– Входи, мил человек! – махнул рукой мужчина, чуть улыбнувшись.

А Груне вмиг захотелось юркнуть в рюкзак за камерой. Уж больно интересное было лицо у хозяина кабинета и, судя по всему, самого ресторана.

– Я Агриппина, – представилась Груня, – мы беседовали по телефону по поводу работы.
– А восемнадцать тебе есть, ребенок? – строго поинтересовался мужчина, поднимаясь из-за стола.

– Да, летом еще исполнилось, – улыбнулась открыто девушка, – У меня и паспорт с собой. Могу показать.

– Покажешь, и документы все завтра к утру притащишь, – кивнул хозяин «Барина», – А теперь, пойдем покажу, что да как тут.

– Так вы меня берете? – радостно спросила Груня, – Прямо так, без стажировки?

– Некогда стажироваться, – отмахнулся мужчина, – Опыт работы есть?

– Да, есть немного, – закивала Груня, – Я каждое лето с шестнадцати подрабатывала. А теперь вот учусь. А здесь место хорошее. Центр. И от института близко. Я могу, если что, прямо с учебы прибегать.

Груня весело щебетала, а Пал Палыч смотрел на это рыжеволосое чудо и замечал, как радостно и легко становится на душе.

– Подожди, болтушка, – хохотнул Пал Палыч, – Освойся сначала. Здесь у нас людей тьма. А вечерами и по выходным столиков свободных нет, народ в очередь стоит у входа. Гляди, не радуйся сильно. Сама еще сбежать захочешь.

– Что Вы! – возразила Груня, уже успев спрятать шапку, шарф в рюкзак и свернуть куртку, – Я не пугливая.

– А вот это самое главное! – Пал Палыч по-отечески похлопал девчонку по спине, – А то у нас тут разный фрукт мелькает. Но я парням дам задание, за тобой в оба присматривать. Ох, и чует мое сердце, порадуешь ты меня. Ой, порадуешь!

Грунька только скромно улыбнулась, сверкая ямочками на розовых щеках.

* * *

– Смотри, девочка, – говорил Пал Палыч, выходя из кабинета и прикрывая за Груней дверь, – В обиду себя не давай. Подвыпивших клиентов обслуживать будут парни. Вовчик, его ты уже видела, старший. Все вопросы к нему, скажешь, я велел тебе первое время подсобить. Вон там у нас Сеня, администратор смены.

Пал Палыч махнул рукой парню, возрастом чуть за тридцать, в черном пиджаке и светлой рубашке. Сеня сдержанно кивнул, а Груню удостоил строгим, оценивающим взглядом.

– Сноб он, но внимания на него не обращай, – мотнул головой хозяин «Барина», – Он у нас не любит официантов женского пола. Поэтому если что, не стесняйся, сразу ко мне под защиту.

– Я бойкая, – улыбнулась Груня, – справлюсь.

– Вот и отлично, – заулыбался Пал Палыч, – А теперь иди к Вовчику, пусть он тебя с народом познакомит, и сразу в смену вставай. Только сначала меню изучи. Что там, да как. У Вовчика спроси, что народ обычно берет. А еще обязательно слетай на кухню. Там Михалыч заведует. Непременно спроси блюдо дня. Его и толкай народу активно. Поняла?

– Конечно, Павел Павлович, – широко заулыбалась Груня, – А меню я на сайте изучила. У вас очень разнообразный стол. И сайт отличный, все понятно и ясно.

– Твоя правда, сайт хорош, – чинно закивал мужчина, – А вот и сам Михалыч чешет. Как говорить, на ловца и зверь бежит.

Пал Палыч схватил Груню за руку и потащил в сторону распашных дверей с круглыми окошками, где стоял мужчина в красной униформе, в высоком колпаке и в черном фартуке.

– Михалыч! Вот, глянь, какое у нас нынче чудо завелось! – весело сообщил хозяин ресторана.

– Так девчонка что ли? – заулыбался Михалыч.

– А то, – Пал Палыч, подтолкнув девочку ближе к грузному мужчине, скрестил руки на груди, – Если чутье меня не подводит, не девочка, а клад. Что скажешь?

– Палыч, – чинно закивал Михалыч, – Согласен. Если Сеня не сживет со свету. Я его знаю, он тот еще волчара.

Похлопав Груню по спине, отчего девчонка едва не подпрыгнула, уж больно увесистым был хлопок Михалыча, мужчина упер руки в бока и зычным голосом, на весь зал ресторана, гаркнул:

– Баранья корейка на сегодня! И никаких перепелов! Осетра тоже еще не подвезли!

Официанты, расставляющие посуду и салфетки по столикам, дружно закивали. Владимир, оказавшийся в зале, широко улыбнулся и подмигнул Груне. Михалыч, напоследок дернув девчонку за упавшую на лицо рыжую кудряшку, удалился в свое царство кухонной утвари. Пал Палыч, смерив Груню оценивающим взглядом, нахмурился.

– Сень! Поди сюда, ирод! – крикнул мужчина.

Администратор подошел, хмуро кивнул Груне и застыл в ожидании указаний.

– Форму обеспечь, сегодня девочка как есть поработает, только фартук выдели, – командовал Пал Палыч, – А завтра чтобы все чин по чину.

– Так точно, Пал Палыч, – кивнул Сеня и исчез.

– Тебе бы и обувку сменить, – задумчиво посмотрел мужчина на резиновые сапожки с милыми жирафиками, – Нет, не спорю, милота, но жарковато бегать до кухни и по залу.

– А у меня с собой, – улыбнулась Груня, радуясь, что догадалась прихватить удобные балетки.

Пал Палыч махнул рукой Владимиру и передал новенькую девочку в руки парню.

– Вот, следи, чтобы не обижали, – распорядился мужчина и, подмигнув Груне, скрылся в кабинете.

– Ну, я ж говорил! – шутливо толкнул парень Груню в бок, – Переодевайся. Я тебе фартук свой сменный дам. От Сени хрен снега зимой допросишься. И пойдем, покажу тебе тут все. С народом познакомлю.

Спустя десять минут Вовчик уже водил Груню по залу. Ресторан был еще закрыт для клиентов, но работа уже кипела.

– Мы сегодня позже обычного открылись. А так всегда в одиннадцать уже на ногах, – пояснял Владимир, – Вот тут у нас столовое железо. Здесь стекло. За баром есть еще посуда. Но там Саня главный, так что пока не подружитесь, не бери у него чистое. Голову может откусить. А вообще он парень нормальный.

Владимир говорил, рассказывал о самом ресторане, поведал даже пару смешных историй из жизни «Барина». В общем, новый коллега Груне очень понравился. Да и симпатичным был парень, веселым и улыбчивым.

– Ладно, у меня в VIP-ке банкет небольшой через час, – махнул головой парень на широкую лестницу, ведущую на второй этаж, – Ты пока тут покрутись. Меню почитай. С Саньком поболтай, а то он грустит там среди своих лимонов и чая. А я на кухню, и вернусь. Как начнется банкет, поможешь мне, подучишься немного. Сегодня давай так, обживешься слегка, я заказы сам смогу принимать, а ты только разносить будешь. Идет?

– Да, конечно, Вова, – улыбнулась Груня, радуясь новым знакомствам.

Владимир скрылся за распашными дверьми, а Груня, сложив ладошки за спиной, принялась изучать зал более подробно. С другими официантами Вовчик тоже успел ее познакомиться. В принципе, ее появление парни восприняли спокойно. Кто-то мягко улыбнулся, кто-то кивнул.

Направляясь к бару, Груня заметила, как за угловым столиком, отгороженный от других ширмой, присел тот самый хамоватый незнакомец. Осмотревшись и поняв, что никто из офи-

циантов к нему не торопиться, Груня решила проявить инициативу и подойти к первому клиенту.

– Здравствуйте, – вежливо поприветствовала девушка того самого засранца-мусорщика, – Мы еще закрыты для клиентов.

– Чё? – бровь незнакомца взметнулась вверх.

– Я говорю, что ресторан пока закрыт, – мило улыбнулась Груня, – Но вы можете дожидаться открытия. И пока будете ждать, успеете подобрать окурок, который бросили у входа.

– Ты кто такая? – уже две брови незнакомца поползли вверх.

Парень, хмурясь и игнорируя назойливую пигалицу, взглядом пробежался по залу, словно ища кого-то.

– Сеня! Сюда ползи! – скомандовал мужчина, а Груня чуть поморщилась от мужского крика, – Кто додумался взять неразумное дите на работу? Еще и бабу!

– Так дите или баба? – хмыкнула Груня.

Но мужчина не успел ничего ответить на фразу Груни, Сеня уже подоспел к месту разборок.

– Пал Палыч так решил, – хмурый взгляд администратора застыл на лице девушки, и Груни вмиг захотелось вжать голову в плечи, но девчонка только выпрямилась, словно струнка и вежливо улыбнулась.

– Совсем с катушек слетел, – пробормотал мужчина, садясь на диванчик, – Скучно ему, наверное. Ладно, Сеня, свободен. А ты, пигалица, принеси мне чего-нибудь от Михалыча. И пусть рассолу выдаст.

– Мне сказали, клиентов пока не обслуживать, – строго произнесла девушка.

Парень тяжело вздохнул, сжал пальцами переносицу, юркнул рукой в карман, вынул красный прямоугольник и протянул Груне.

– Вопросы есть? Вопросов нет, – пробормотал Василий Павлович Барычинский, ресторатор, – Вперед и с песней.

Груня пожала плечиком в белоснежной рубашке.

– И что? Это как-то меняет дело? – снисходительно произнесла девчонка.

Василий, в эту самую минуту, сжав зубами сигарету и успев прикурить ее, поперхнулся дымом и закашлялся.

– Эта пагубная привычка Вас убьет, Василий Павлович, – заметила Груня, – Смею заметить, что Вы в зоне для некурящих посетителей. Вам нужно занять другую часть зала.

– Я охреневаю, – заметил Барычинский, – Ты с луны упала? Рассол, говорю, тащи и не вякай.

– Вы бы подбирали выражения, Василий Павлович, – строго произнесла Груня, – В общественном месте находитесь.

Укорив хама, Груня все же решила окончательно не конфликтовать с сыном хозяина и отправилась в царство Михалыча, не дожидаясь очередной грубости и не оглядываясь. И хорошо, что не оглянулась. Иначе Грунька заметила бы совершенно растерянный взгляд того самого невоспитанного хама.

Глава вторая, в которой активизируются защитники Груни

– Грунь, ты молодец, – улыбался Вовчик, подсчитывая чаевые, – Нет, правда, хвалю. Держи, приятный бонус. Скажу по секрету, для обычного будничного дня выручка у нас выше нормы. Скажи, как ты умудрилась слить всю корейку Михалыча? Обычно пара тройка порций остается.

– Секрет фирмы, – смеялась Груня, шутливо пихнув парня в бок.

Девчонка за весь вечер настолько устала, что валилась с ног. Но, поскольку завтра на занятия только к третьей паре, могла задержаться дольше на рабочем месте, пообщаться с сотрудниками, пообжиться, так сказать.

Ресторан ей очень понравился. Уютный, красиво оформлен. Меню на высоте, как и персонал. Первое мгновение, когда девчонка попала в зал, она капельку испугалась. Куда ни плюнь – одни мужики. А потом, привыкнув и оценив прелести мужского коллектива, Груня расслабилась. Нет, правда, никаких склок и сплетен, никакой промывки костей каждой посетительнице, что Груню жутко раздражало на прошлом рабочем месте. Тишь, да гладь. Все было просто замечательно, за исключением одного «но».

Это «но» было хамоватым, невоспитанным, отказывалось пересаживаться в зону для курящих посетителей, брызгало ядом и блистало ненормативной лексикой. И что самое главное, но больше всего раздражающее Груню: «но» было красавчиком.

Украдкой умудрившись рассмотреть парня, Пепел отметила глубокие карие глаза, ямочку на щеке, прямой нос и короткую стрижку. Сам парень отличался весьма внушительной фигурой, сильными руками и массивной шеей. Такой, что и не обхватишь сразу. А так хотелось обхватить и сжать, как следует. Но Груня оставила крамольнее мысли, которые, в случае их осуществления, могли привести к лишению свободы на пару-тройку лет.

Итак, прихватив чаевые, попрощавшись с сотрудниками до завтра, девчонка собралась выбежать из ресторана, но замерла на крыльце.

Город в свете огней казался сказочным. Дождь прекратился, но капли воды все еще стекали по крышам и по веткам деревьев, отбивая замысловатую дробь. И девочка вновь не удержалась и вынула камеру из рюкзака.

Кадры выходили просто улетными. Перепрыгивая через лужи, выискивая обычные на первый взгляд, но с налетом некой таинственности, предметы через объектив фотоаппарата, Груня полностью погрузилась в свой мир и совсем не заметила, как за ней увязалась пара парней хулиганской наружности.

* * *

– Ох, что ж я маленьким не сдох, – в который раз пробормотал Бася, выкуривая очередную сигарету.

Любимый и не покидающий организм гастрит давал о себе знать после выпитого с вечера алкоголя. Голова гудеть перестала, и настроение, вроде бы, улучшилось. Однако одна пигалица, жутко раздражающая и выводившая из себя обычно уравновешенного Василия, не давала покоя.

Выйдя из ресторана и прихватив выручку, которую утром он собирался сдать в банк, Барин вновь прикурил сигарету. Как правило за рабочий день он скуривал на порядок больше. Но сегодня, либо гастрит донимал его больше обычного, либо рабочий день оказался короче. Нет, откровенно говоря, была еще одна причина, назойливая такая и рыжая. Эта самая при-

чина, каждый раз, подходя к столику, чтобы сменить пепельницу, недовольно зыркала на него своими глазницами, отчего появлялось жуткое желание сожрать пачку вместе с сигаретами.

Размышляя о девчонке и о том, каким ветром ее занесло к ним в ресторан, Барычинский прошел мимо припаркованного на обочине Мерса, но, поддавшись чутью, не сел в машину, а прошел вдоль здания. Ярко-рыжие волосы и смешная шапка привлекли внимание парня мгновенно. Застегнув куртку, Бася пошел следом за девчонкой, которая ничего вокруг и не замечала. Двигаясь позади Груни на приличном расстоянии и неосознанно улыбаясь, при виде того, как девочка прыгает по лужам и щелкает своей камерой по сторонам, Барин заметил двух парней, пацаны совсем, но, судя по тому, как решительно они пошли за пигалицей, намерения у них были недвусмысленные.

На следующем перекрестке Груня перебежала дорогу на мигающий зеленый, а хулиганы остались, не успев перейти. Девочке повезло, движение на этом участке дороги было весьма интенсивным.

– Слышь, молодежь, прикурить не найдется? – полюбопытствовал Василий.

Шпана переглянулась, и один из парней вынул зажигалку. Василий, зажав сигарету зубами, склонился к протянутой руке. Прикурив, выдохнул горьковатый дымок и резко схватил пацана за шкуру.

– Тронете девчонку – ноги вырву, – Василий ощутимо сдавил шею мальчишки, и, дождавшись кивка, выпустил.

Пацаны убежали в обратную сторону, а Бася, перейдя дорогу, быстро нагнал Груню. Девчонка все также, будто блаженная, направо и налево щелкала камерой, но целенаправленно шла вперед. Оказавшись во дворе обычной пятиэтажки, Груня забежала в подъезд. А спустя пару минут, на третьем этаже загорелся свет.

Бася присел на лавку, покурив немного и вернулся к ресторану, где был припаркован его Мерс. Заведя двигатель, парень хмыкнул. Вот ведь неугомонное создание. Нет, пигалица не вписывается в их коллектив. Надо бы поговорить с батей. Пусть увольняет.

* * *

Две недели пронеслись незаметно для Груни. Новая работа приятно радовала чаевыми, персоналом и гибким графиком. С Пал Палычем они решили, что девчонка будет работать пять дней в неделю, с пяти вечера и до полуночи. Каждый день, возвращаясь домой с работы, Грунька засыпала прежде, чем голова оказывалась на подушке. Но Груня проваливалась в сон с улыбкой на губах и сбережениями в жестяной шкатулке. Грунька – амбициозный и полный надежд будущий журналист, копила на новую камеру. Уже профессиональную.

Отучившись и наспех перекусив пирожком, Груня помчалась на работу. День выдался солнечным, и все то же дерево у крыльца вновь привлекло внимание девчонки. Не удержавшись и сделав пару кадров, Груня торопливо вбежала в здание ресторана. Переодевшись и поздоровавшись с коллегами, девчонка приступила к работе. Столиков было уже полно, поскольку близилось время ужина. И Пепел ринулась в бой. Заказы сыпались один за другим, и Вовчик не успевал принимать их все, пришлось и в этот раз Груне работать в полную силу. Всю смену девчонка бегала от кухни и до столиков без перерыва. Но настроение не падало, а наоборот, казалось бы, рыжеволосая пигалица заряжала всех окружающих своим позитивом.

– Вы знаете, – весело щебетала Груня очередному клиенту, – А у нас чудный осетр нынче. И котлетки вышли просто восхитительные.

И клиент, даже самый привередливый, не мог устоять перед такой обворожительной и открытой улыбкой.

– Грушенька! – пробасил Михалыч, когда девчонка уже по привычке влетела на кухню с грязной посудой, собираясь забирать готовые блюда, – Сливай бараньи ребра. В меню нет. По новому рецепту, экспериментирую я.

– Оки-доки! – крикнула Груня и подмигнула.

А спустя час от приготовленных ребрышек у Михалыча остались одни воспоминания. Мужчина одобрительно кивал, а Вовчик подмигивал.

– Странный клиент просит стейк «Рибай» с кровью и окрошку, – в очередной раз, влетая на кухню, отчиталась Груня, – я его уговаривала на барашка, а он ни в какую!

Михалыч застыл и обернулся.

– Что за клиент, Грунька? – прищурился мужчина, – В зале кто?

– Вовчик в VIPe, Сеня на ресепшене с хостесом виснет, – без задних мыслей слила Груня начальство, – Сказал, этого чудака мне взять. Сашка в подсобку утопал. Денис там только.

– А Васька? – напряженно спросил Михалыч, подходя к дверям и заглядывая в зал через окошко.

– Василий Павлович? – переспросила девушка, – Нет, вышел куда-то. Ладно, я помчалась, хлебную корзину относить.

И прежде, чем Михалыч успел остановить пигалицу, она уже умчалась в зал с корзинками свежей выпечки.

– Сейчас я тебе покажу, стейк «Рибай» с кровью! – пробормотал мужчина, возвращаясь к своему столу и присматриваясь к кухонным тесакам.

А Грунька, порхая и улыбаясь клиентам, вновь вернулась к чудаковатому типу, не вызвавшему у нее симпатии. И не зря. К неприятному клиенту присоединился еще один. Мужчина, одетый в вязаный свитер, с превосходством и интересом рассматривал Груню.

– Глянь, Лёва, а это девка, – сально подмигнул гость Груне, – Зачетная птишка.

– С каких пор шлюшки Барина разносят тут хавчик? – поддержал тот, первый, что заказал стейк.

Груня задыхнулась от негодования, и уже собралась высказать все, что думает об этой парочке, но вдруг сильная рука обхватила ее за талию и, словно нашкодившего котенка, переставила на метр от столика.

– В кабинет, живо! – тихо скомандовал Василий Павлович, не оглядываясь, послушалась ли пигалица его приказа.

Груня слушаться не собиралась, но пришлось, поскольку Вовчик, спустившись со второго этажа, перехватил девчонку и настойчиво отправил в сторону кабинета директора.

За спиной Груня четко слышала звук потасовки, грохот бьющегося стекла, а потом все стихло. Девчонка нервно расхаживала по ковру, собираясь вернуться в зал, если через минуту ничего не изменится. Но не успела. На пороге кабинета появился Василий Павлович, который хмуро глядел на девчонку, сжав рот в прямую линию.

– Какого хрена поперлась к мудакам, которых обычно обслуживает Вовчик? – рыкнул парень, глядя на Груню.

Пигалица, как обычно, расправив плечи, хотела возразить, возмутиться. Не успела. Взгляд упал на опущенную вдоль тела руку Василия, с которой тонкой струйкой на пол капала кровь.

– Это у Вас что? – прошептала Груня.

– Не важно! – рыкнул Барин, – Спрашиваю, какого х...хрена поперлась к столику?

– Ваша речь оставляет желать лучшего! – упрямо возразила Груня, – Слышал бы Пал Палыч, как его сын выражается!

– Пал Палыч тебя бы голыми руками пристукнул, если бы увидел рядом с разными мудилами! – парировал Василий, морщась.

– Сядьте! – скомандовала Груня, понимая, что поврежденную руку нужно осмотреть.

Глаза Васьки поползли на лоб.

– Охамела в ноль! – рычал он, – Уволю нахрен!

– Угу, а то и правда, – прищурилась Груня, – Живо на диван!

Опешив от тона, которым с ним мало кто рисковал изъясняться, Василий послушно плюхнулся на диванчик, оббитый черной кожей. А Груня, подлетев к шкафу со стеклянными дверцами, вынула пластиковый чемоданчик с красным крестом. Раскрыв его, извлекла спиртовые салфетки, перекинь, и прочее, включая бинт.

Василий хмуро следил за действиями девчонки. Все внутри него клокотало от злости на нее, на Левчика и его братков, на официантов, что вовремя не перехватили пигалицу, и на самого себя.

Взглянув на руку, Бася поморщился. Порез был глубоким и длинным, но бывало и хуже. Если промыть и обработать, может и не нужно зашивать.

Потянувшись за флаконом с препаратом, Василий скривился. Но его руку мягко отвела в сторону ладошка пигалицы. Васька даже опешил от этого прикосновения, мягкого, словно перышко.

Груня, заправив выбившиеся из хвоста волосы за уши, склонилась над его рукой. Вдохнула, постелила на свои колени, словно по волшебству, появившуюся в ее руках салфетку и устроила его ладонь поверх белоснежной ткани. Васька, как ни странно, не нашелся с замечанием. Но стоило девчонки плеснуть перекинь на рану, как Барычинский начал буквально извергать все известные ему цветастые выражения.

На что, к удивлению парня, Груня только поджала губы, но смолчала.

– Вам бы употребить немного, для снятия боли, – заметила Груня, осторожно промакивая края раны салфеткой.

– Чтобы ты мне потом мозг окончательно сожрала? – стонал Бася, шипя и матерясь, – Ну уж нет. Потерплю.

– Тут глубоко, зашить бы, – Груня подняла на Васю взгляд, хлопая длинными ресницами, – Я смогу, Вы только спокойно посидите.

– Чё? – не понял Вася, списывая все происходящее на боль от пореза.

– Зашить нужно, глубокий порез, – пояснила Груня и потянулась к аптечке, – Там есть все, я видела. Вы сидите смирно.

– Оху... – начал Вася, но осекся, – Угу. Но бухнуть нужно.

– Я принесу! – спохватилась Груня и подскочила на ноги.

– Сиди уже, – выдохнул, морщась, парень, и дернул девчонку за талию обратно, усадив рядом с собой.

Пронзительно свистнув, Вася откинулся на спинку дивана. Тут же в дверях кабинета показалась испуганная моська Сашки-бармена.

– Водяры припри, – скомандовал Василий, приоткрывая глаза.

Спустя пару минут, на столике перед шефом появился запотевший графин с водкой, рюмка и мясная нарезка.

– А может, скорую? – предложил Сашка.

– Я рану промыла, кровь не идет, – улыбнулась Груня Сане, – Зашить смогу. Но врачу, конечно, показать можно.

– А может ты свалишь уже, гений, мля! – рыкнул Василий, и Сашка быстренько слинял из кабинета.

Груня методично обрабатывала рану, а Бася залпом осушил три полные рюмки водки. Закусил, и накатило еще одну.

Тепло разливалось по всему телу, и Василий Павлович, в крови которого теперь вместе с адреналином после драки гулял и алкоголь, крепко задумался над происходящим.

Девчонка сшивала ровные края раны, закусив губу от усердия, а Васька смотрел на ее лицо. Оказывается, у нее полноватые губы и чуть вздернутый носик. Аккуратный такой, с россыпью веснушек. И длинные ресницы, темно бронзовые. И глаза зеленые с серыми крапинками. А на щеке появляется ямочка, когда девчонка улыбается. А улыбается она часто, всем и каждому.

Скрипнув зубами, Барычинский откинулся на диван и прикрыл глаза. Смертельно хотелось курить. Он даже свободную руку сжал в кулак от этого желания.

– Долго еще? – недовольно промычал Бася, – Курить хочу, пи... Сильно то есть.

– Вы уже большой мальчик, потерпите, – заметила Груня, не отрываясь от своего занятия, – А вообще, бросали бы Вы эту вредную привычку.

– Я курить начал раньше, чем ходить, – недовольно фыркнул парень, – Так что, не учи козла капусту жевать.

– Это Вы козел-то? – хмыкнула Груня, пуская в глаза задорный огонек.

– Не умничай, пигалица, – проворчал Бася, вздыхая.

Сквозь запах алкоголя, крови и медикаментов, до носа Василия донесся тонкий аромат женских духов. Не резкий, а такой, словно запах весны. Он даже глубже втянул воздух носом. Да, определенно, весна. А ведь осень на дворе, а тут весна.

Была бы рука свободной, Барычинский покрутил бы у виска, сообщая самому себе, что крыша уже отвалила от хозяина. А так пришлось сидеть и дышать запахом весны.

Когда Васька уже был готов придвинуться ближе и поинтересоваться, чем это пигалица духариться, как на пороге кабинета появился Барычинский-старший.

– О, так она тебя все-таки огрела? За дело хоть? Аль так раскрутиться успел? – весело поинтересовался отец, глядя хитрым прищуром на сына и Груню, сидящих на диване.

– Ха-ха, батя, – оскалился сын, – Пипец, как смешно. Доложили же уже, поэтому и явился в свой выходной.

– Стоит сейчас сказать, что я предупреждал на счет Лёвчика? – произнес Пал Палыч, подходя ближе, – Когда уже вопрос с ним решишь?

– Да на днях, – поморщился Барин-младший, – Все, пигалица, завязывай. Заживет, как на собаке.

– То козел, то собака, – пробормотала Груня, складывая медикаменты обратно, – И Вам бы, Василий Павлович, поберечься первое время, чтобы шов не разошелся.

Васька промолчал, хмуро глядя на отца. Руку свою поднял с колен девчонки и взглянул на ровную белоснежную повязку. С бантиком. Веселым таким и аккуратным. Даже как-то смешно стало, сделала из него тут девицу с ранением. Нет, определенно, пусть бантик этот перевяжет.

Но высказать своего замечания Барычинский не успел. На его глазах Груня, поднявшись с дивана и спрятав чемоданчик обратно в шкаф, пошатнулась у самой двери, попыталась ухватиться рукой за стену, но не вышло. И девчонка с тихим протяжным выдохом осела на пол. А потом и упала спиной на ковер, прямо к ногам опешившего Баси.

– Какого ху...хера?! – взревел Василий, подпрыгивая с места.

Не обращая внимания на отца, Васька подхватил девчонку и уложил ее на диван.

Теперь настала очередь парня мотаться за аптечкой. Отыскав в ее недрах нашатырь, Барин поднес смоченную спиртом ватку к носу девчонки. Та поморщилась, приоткрыла глаза и тут же прикрыла их вновь.

– Ты крови испугалась? – потребовал ответа Бася.

– Нет, – мотнула головой девчонка, – Это так. Бывает иногда.

– С хера ли? – вырвалось у парня, – То есть, от чего?

– Да я с учебы, – лепетала девчонка, – Утром не успела позавтракать, проспала. А перед работой тоже не очень. А потом и забегалась, и вот...

– Ты голодная что ли? – опешил парень, – Ты, пигалица, совсем не в себе! Это же ресторан! Тут пожрать на каждом углу можно! Ты к Михалычу сколько раз за смену прилетала? Дите бестолковое, млин!

– Ну, если у вас все в порядке, то я вас покидаю, – спокойно заявил Пал Палыч, – А ты, Василий, девочку не ругай. А покорми, пока дышит. Не ровен час и опять отключится.

– Я ей так отключусь! – шипел Бася, пулей вылетая из кабинета, – Она у меня вмиг включится, пигалица бестолковая. Как по лужам с фотиком скакать – это она успевает. А пожрать – времени нет!

Василий скрылся из кабинета, ворча и плюясь ядом себе под нос. А когда вернулся с подносом и тарелками, отца уже и след простыл. А девчонка безмятежно спала, лежа на диване и кутаясь в его куртку.

– Слышь, пигалица, – помялся Бася около дивана, – Ты давай, не вырубайся. Поешь, потом и отключишься.

– Угу, – вздохнула Груня и села.

Бася, с изумлением во взгляде смотрел, как девчонка в полусонном состоянии послушно ест, пьет, а потом и плюхается на диван, вновь укрываясь его курткой до самой макушки. Но в этот раз парень решил девочку не будить. Пусть поспит, а проснется, почешет домой. Ну, или он сам отвезет, а то свалится где-нибудь в потемках. Ищи ее потом.

Глава третья, в которой Василий Павлович хмуриться и нервничает

Пигалица крепко спала, а Барин решил проверить, как парни закрывают смену и снять кассу. Прикрыв за собой дверь кабинета, Барычинский вынул пачку сигарет из кармана. Выпитый алкоголь давал о себе знать, да и рана неприятно дергала. Именно поэтому настроение Василия Павловича можно было расценить как отвратительное.

Оказавшись на кухне, парень поискал взглядом Михалыча. Шеф-повар проводил инспекцию оставшихся после рабочего дня продуктов.

– Ну, как, поела? – поинтересовался Михалыч.

Васька, молча, кивнул и поморщился, в который раз шля Лёвчику массу «наилучших» пожеланий.

– Я что сказать хотел-то, – мужчина хмуро приблизился к младшему хозяину заведения, – Не мое это дело, но я девчонке верю. Видно же, наивная и врать не приучена. Светлая девочка.

– Ты сейчас к чему, Михалыч? – не понял Бася.

– Девочка сказала, что к столику Лёвы ее отправил Сеня, – мужчина склонился еще ниже и серьезно взглянул в глаза пацана, – А мог бы и сам заказ принять. Хотя, что там принимать, он этот стейк постоянно берет. Чтобы ему пусто было! Или мог Дениса отправить, или даже Вовчика дернуть со второго этажа. Нет, он девочку послал. Сечешь?

Бася понял, что рука, заботливо обработанная и перебинтованная девчонкой, сжимается в кулак.

– Где он? – прищурился Василий.

– Счета подбивал в зале, – Михалыч, все еще хмурясь, вернулся к прерванному занятию.

Василий, сжав фильтр так и не прикуренной сигареты губами, двинулся в зал. Сеня-администратор сидел за угловым столиком и подбивал кассу, сверяя чеки с компьютером. Не проронив ни слова, Бася схватил парня за пиджак и выволок из зала на улицу через черный ход. Против хозяина Сеня казался мелким пацаном, да и не рискнул он перечить Барину.

– С хера девчонку послал к Лёве? – потребовал ответа Василий.

– Я не слал, она сама! – оправдался Сеня, стараясь не паниковать, что сделать было очень и очень трудно, поскольку о вспыльчивом характере младшего хозяина знали все не понаслышке.

– Тогда ты, как админ – ноль, если не можешь уследить за своими официантами! – подвел итог Бася и коротко добавил, – Расчет скину утром.

Отряхнув руки, Бася скрылся в ресторане. Встретив Вовчика, хмуро произнес:

– Поздравляю с повышением!

Изумленный взгляд Владимира сверлил спину удаляющегося в директорский кабинет хозяина. Махнув рукой, Вовчик решил не заморачиваться. Хозяин – барин.

* * *

В кабинете на диванчике никого не было. Лежала только куртка Барычинского, а девчонки и след простыл. Первым делом Бася испугался, ну, мало ли куда понесло это неугомонное создание! А потом, наспех просмотрев камеры, и разобрав, что пигалица вполне уверенно покидает здание ресторана, Бася метнулся следом. Уже привычно, за прошедшие две недели, парень, следуя на некотором расстоянии за девчонкой, проводил ее до дома. И как только она скрылась за подъездными дверями, закурил. И чего убежала? Подождала бы, он бы и отвез. Придумала, по ночам шорохаться.

Следующий день выдался суматошным. Васька, прямо сказать, задолбался. История с Левчиком вылезала боком. Говорил ведь батя, не связываться с ним. Так нет же, не послушался Васька. Но ничего, он обязательно разберется с нежеланным совладельцем клуба «БарIN». Васька редко там бывал, предпочитая снимать прибыль, а все дела возложить на директора и управляющего. Совладельцем стал Лева Караськов, просто потому, что на момент открытия клуба у Баси не хватало денег на раскрутку. А Лева денег дал с лихвой. А потом и принялся устанавливать свои законы в новом клубе, превращая приличное заведение в притон. Бася вовремя спохватился, компаньона турнул, и долг почти весь выплатил. Но официально Лева все еще числился совладельцем. Вот и трепал мозг и нервы Барычинскому, регулярно появляясь в ресторане, требуя один и тот же стейк.

Выкуривая очередную сигарету, Бася хмуро следил за работой официантов. Парни сновали туда-сюда, и на их фоне пигалица казалась ярким пятнышком. Сквозь прищур глаз, Васька смотрел, как пигалица беседует с клиентом. Мужик решил прикурить, но Груня вежливо ему о чем-то говорила. А тот, мотнув головой, недовольно сморщился. Васька поймал взгляд мужика на себе. Как и недовольный взгляд пигалицы.

Решительно расправив плечи, в своей обычной манере, Груня двинулась к столику, за которым сидел Бася. Сидел и никого не трогал, предпочитая, чтобы и его не трогали. Уж больно поганое настроение было с утра.

– Прошу прощения, Василий Павлович, – вежливо произнесла пигалица, – Но, думаю, вам все-таки следует отправиться в зону для курящих. Клиент отказывается пересесть, ссылаясь на Вас.

– Че? Футбольшь меня в моем же ресторане? Я тебе пацан что ли? По столикам бегать? – переспросил Василий, хмуро глядя на возвышающуюся над ним пигалицу.

– Василий Павлович, не волнуйтесь Вы так, – уговаривала Груня, – Там замечательные столики. Со всеми удобствами.

– Приплыли, млин, – пробормотал Василий, – Ты мне рассказываешь, какие там столы удобные? Ничего не путаешь, пигалица?

– Василий Павлович, – вздохнула Груня, бросив взгляд на наручные часы на широко ремешке, – а давайте я Вам принесу корейку от Михалыча? Правда, очень удалась! Нежная, сочная! Принесу за пятый столик, а потом и перекурите там же. Идет?

Бася отклонился, поймал взгляд того самого мужичка.

– И его пересади, – потребовал Бася, сгребая со стола пачку сигарет, телефон и чистую пепельницу, – Дожился, млять! Какая-то пигалица указывает, где мне сидеть в моем же ресторане!

Спустя час настроение Баси не улучшилось, несмотря на съеденную стряпню Михалыча и выпитые чашки кофе. Мелькающая по залу копна рыжих волос жутко бесила. Зато Вовчик, судя по всему, радовался.

Парень, одетый в строгий пиджак, весело вешал лапшу девчонке на уши. А та хихикала, прикрывая рот ладонью. Васька вспомнил, как эта самая ладонь порхала по его порезу на руке, сшивая края раны. И где только научилась? Любая другая грохнулась бы в обморок, а эта ничего, обработала рану и повязку наложила.

Так, стоп, в обморок-то она вчера все-таки упала. Правда, от голода. Вот и сейчас, небось, ни ела ничего. На пожрать времени нет, зато языком почесать с мужиками – запросто!

Махнув рукой, Бася подозвал пигалицу к себе. Девчонка подошла, собрала пустую посуду, сменила пепельницу, и вежливо улыбнулась.

– Ты ела? – в лоб спросил Бася.

– Да, конечно, – кивнула пигалица, – Мы с Владимиром еще час назад успели пообедать.

– Какие вы шустрые, – не удержался от сарказма Барычинский, – Свободна.

Груня поджала губы и умчалась на кухню. А Бася так и сидел, хмуро сверля взглядом мелькающую по залу ресторана рыжеволосую девчонку. Нет, хорошо, что сегодня получится расслабиться, потусоваться в клубе, посидеть в сауне, отвлечься от всего этого бедлама.

* * *

До назначенного времени, когда Василий собирался чинно отчалить из ресторана, чтобы провести его весело и с пользой, провожая Геру Черепанова в семейную жизнь, часы тянулись до жути медленно. Пятый столик, несмотря на удобные диваны и отличный вид из окна, совершенно не радовал. Еще и, ко всему прочему, у Васьки закончились сигареты. Решил не утруждаться, хозяин он, или хрен с морковкой? И махнув рукой, подозвал пигалицу к себе. Вежливая улыбка на милых губах заставила Ваську нахмуриться еще больше. Была бы его воля, он бы запретил ей улыбаться в его ресторане. Так нет же, горячо любимый родитель категорически отказывался уволить девчонку.

– Принеси мне сигарет из бара, – скомандовал Барычинский, – Саня знает какие.

Вздернув курносый нос, девчонка расправила плечи и поплыла в сторону бара. Васька, проследив за хрупкой фигуркой, хмыкнул, и собрался было допить уже остывший кофе, но не успел. Холодный горький напиток встал поперек горла, отказываясь проваливаться. Глаза у Василия расширились от вида прямоугольной плитки от известного производителя сладостей. Да только Васька совсем не шоколадку велел притащить.

– Это что? – прокашлял Бася.

– Это гораздо полезнее сигарет, – спокойно улыбнулась Груня, глядя на парня бесстрашными зелеными глазами.

– Я херею с такой малины! – рявкнул Барычинский, – Уволю, нахрен!

– Во-первых, – тихо произнесла девчонка, – Не вы мой наниматель. Во-вторых, в зале присутствуют дети, так что попрошу подбирать выражения.

– Да ты... да я... да какого черта?! – взревел Васька, подскакивая на ноги, – Ты кто вообще такая? Твое дело: принеси, подай! Нехрен из себя доктора строить! Велел тащить сигареты, значит, тащи и не вякай! Пигалица желторотая! То, мля, пересядь, то не кури! Ты б лучше за собой следила, детский сад, штаны на лямках!

В пылу гнева Барычинский вплотную подошел к Груне. Но девчонка не испугалась, только глаза прикрыла, словно переживала ураган. А Васька, раззадоренный отсутствием страха с ее стороны, орал все громче и уже не старался подбирать выражения. Барычинский кричал на девчонку, сверля ее макушку гневным взглядом, до тех пор, пока к ним не подлетел Вовчик.

– Вась, ты чего разошелся? – примирительно заговорил Владимир, – Грунь, беги, чего встала? Иди, я все улажу.

– Защитник хренов! – рявкнул Василий, переводя взгляд на парня.

– Вась, ты с чего завелся, народ вон перепугал, – спокойно говорил Вова.

– Ты видал, чего она мне притащила? – уже тише, но с не меньшей злостью, – Я сигареты просил.

– Ну, принесла, – примирительно говорил Вовчик, – Так она как лучше хотела. Ты за два часа уже недельную норму выкурил.

Васька хмуро взглянул на администратора.

– У нее характер такой, заботится обо всех, – втолковывал Владимир.

– Да мне ее забота никуда не упиралась! – Василий сгреб со стола телефон, ключи от машины, прихватил куртку и широким шагом направился в кабинет директора.

Нет, эта пигалица достала, до печенок, а может глубже!

Широко шагая через длинный коридор, ведущий в кабинет, Васька все еще крыл матом всех кругом. Его бесило все. То, что вместо сигарет он получил плитку шоколада. То, что пигалица не испугалась, а спокойно выслушала его оскорбления. То, что за нее вступился Вовчик. А также то, что на душе стало еще поганее после вспышки необъяснимого гнева. Но сквозь бубнеж и ворчание, Барин отчетливо разобрал тихие всхлипы, доносившиеся из-за двери, ведущей на техэтаж. Васька так и не дошел до кабинета, в который направлялся, а свернул за эту самую дверь.

Груня сидела на бетонных ступеньках, обхватив коленки, затянутые в темно-бордовый форменный фартук, всхлипывала и стирала слезы уголком бумажной салфетки.

Барычинский много раз видел, как плачут женщины. Ну, плачут, значит, хотят порыдать. Кто бы что ни говорил, а женские слезы его не особо трогали. И парень не очень понимал, как шмыгающие носы и красные заплаканные глаза могут заставить нормального здорового мужика плясать под бабскую дудку.

Оказывается, могут.

Василий Павлович шагнул ближе, аккуратно прикрыв за собой двери.

– Слушай, пигалица.... – начал он, но осекся.

Девчонка резко вскинула голову, отвела ладошки от лица. Громко шмыгнула носом, утерла влажные щеки, а потом вдруг прищурилась.

– Вы, Василий Павлович, беспринципный, безалаберный, невоспитанный, хулиганистый грубиян и задира, страдающий от вечного похмелья, косноязычия, вредных привычек и с полным отсутствием понятий об элементарных правилах приличия!

Речь Груни была четкой, а голос, казалось бы, звенел от не до конца пролитых слез, но был тверд и решителен, как и взгляд зеленых глаз.

– И к Вашему сведению, Василий Павлович, – девчонка уже поднялась на ноги и с высоты своего среднего роста отважно смотрела на мужчину, который был вдвое тяжелее и на голову выше ее, – У меня есть имя. И оно не «Пигалица»!

Груня из подсобного помещения вылетала разгневанной фурией, громко хлопнув дверью, не заботясь о том, что подумают о ней сотрудники ресторана. Было откровенно плевать. Уволит? Ну и ладно!

Бася смотрел на закрытую перед его носом дверь.

– Оху...хереть, – выдохнул он, проводя рукой по волосам.

Выйдя из подсобки, Барычинский решил не идти в кабинет, а прогуляться по свежему воздуху. Оказавшись на улице, Васька все еще молчал, находясь в некоем подобие ступора. Не случалось еще с ним такого. Никто не ставил его на место, наверное, лет пятнадцать. С тех самых пор, как директор школы грозил ему отчислением. У Барычинского в голове никак не укладывалась информация. Мелкая такая девчонка, а накричала на него, еще и дверью хлопнула. А что сделал он? Вместо того, чтобы уволить, слинял, словно провинившийся подросток. Во, делааа!

Глава четвертая, в которой у Василия Павловича проснется рыжеволосая совесть

Прощание друга детства, Геры Черепанова, с холостяцкой жизнью прошло отлично. Все, как полагается, сауна, бар, и много алкоголя. Жаль, правда, не было жарких цыпочек. А все почему? Потому что мальчишник нельзя отмечать в компании мужиков, до одури любящих своих жен.

Именно об этом думал Васька, медленно бредущий по улицам ночного города. Вернее, уже просыпающегося после дождливой ночи. Спрятав руки в карманы куртки, Бася бесцельно вышагивал по брусчатке, переступая через лужи.

А Черепанову повезло, он сейчас в заботливых руках любимой женщины, которая совсем скоро, ну примерно через полгода, а то и чуть больше, родит ему ребенка. Нет, Герыч все же счастливчик.

Почему именно Барычинский потребовал у таксиста притормозить и высадить его в центре города, парень и сам не понял. Просто решил погулять. Почти весь хмель уже вышел, но ноги все еще немного подкашивались и хотелось спать. Но Васька упрямо топал вперед, не поддаваясь на провокацию подвыпившего организма.

Взгляд зацепился за вывеску ларька с яркими неоновыми буквами «Цветы 24 часа». Васька даже остановился, рассматривая стеклянную витрину. Хмыкнув, парень вошел внутрь. Сонный продавец хмуро взглянул на странного клиента.

– Слышь, парень, а вот таких у тебя сколько? – спросил Барычинский, ткнув пальцем в высокие темно-бордовые розы.

– А сколько нужно? – сонно уточнил паренек.

– Полсотни будет? – прищурился Васька.

– Вам на панихиду? Может гвоздики подойдут? Обычно их берут по такому случаю.

– Чё? – мозг Василия соображал туго, – Запихай гвоздики себе... Мне для девушки. Извиниться хочу.

– Вы сказали пятьдесят штук, я и подумал, что... – оправдывался паренек.

– Короче, пятьдесят вот этих, а сверху еще белых, штук пятнадцать, – хмуро решил Васька, вынимая бумажник из кармана джинсов.

Пара крупных купюр легко легли на стол ночного работника ларька, а Бася, зевнув, кивнул на улицу.

– Перекурю, а ты пошевеливайся, – скомандовал парень.

Спустя десять минут и две выкуренные сигареты, Василий Павлович покидал ларек, отмахнувшись от сдачи. Мужчина целенаправленно тащил охапку роз в один, отдельно взятый, и совершенно случайно расположенный за углом дом.

Усевшись на лавке, Бася флегматично наблюдал за дворником, убирающим мусор на детской площадке. Часы показывали восемь утра. Васька перебирал в уме фразы, которые он мог бы сказать девчонке. От обычного «прости» до грозного «Не возьмешь веник – уволю!». Но подниматься в квартиру он не спешил.

На помощь Барычинскому, совершенно неожиданно, пришел мелкий паренек лет двенадцати, выбежавший из подъезда с рюкзаком за плечами.

– Эй, парень, иди сюда! – перехватил Васька мальчишку.

– У меня денег нет! – опасно произнес паренек.

– О, так это же отлично! – обрадовался Васька, поднимаясь с лавки, – Вот, держи тебе на леденцы от кашля! И будь другом, отнеси букет на третий этаж.

Минуту мальчишка переводил взгляд с огромного букета, который он с трудом смог бы поднять, на странного незнакомца, внушавшего страх. Но мальчик по имени Димка вот уже почти год копил на новый велик. А тут деньги халявные. И почему бы не помочь мужику?

– Только платите вперед! – потребовал парень.

– У вас тут все такие борзые проживают? – хмыкнул Васька, улыбаясь, – Вот. Столько же дам, когда доставишь до места букет.

– Я мигом! – пообещал мальчик Дима, – Кому нести? Там две квартиры на третьем. Баба Надя и полковник. Вам куда?

– Точно не полковнику, – пробормотал Васька, – А девушка такая, рыжеволосая, Груня Пепел, где живет?

– А она у бабы Нади, – улыбнулся паренек, – Ну, я побежал? А то мне в школу нужно, и ехать еще далеко. Две пересадки.

– Ну, давай, двигай, – разрешил Василий и помог парнишке перехватить массивный букет.

По закону жанра, да и вообще, по всем понятиям, Барычинский должен был бы вернуться и уйти, или дожждаться, пока вернется малец, отдать обещанное вознаграждение, и тихонько свалить домой, отсыпаться. Так нет же. Василий решил подняться следом за парнишкой.

Зачем? Да он и сам не знал. Просто захотелось.

Стоя на некотором расстоянии и, словно нашкодивший подросток, прячась и подглядывая, Васька понял, что мысли все разбежались. Вот взяли и закончились. А всему виной пигалица. Девчонка со смешными косичками, в зеленой кофте с какими-то мышами, в смешных мохнатых тапках, в просторных брючках в сердечки. И эта девчонка смотрела широко распахнутыми глазенками на мальчика и на букет, смешно моргала, сонно и мило, и пыталась пацана вопросами. «Ты точно ничего не напутал? А кто передал? А как выглядел? А во что одет? Стой тут, я в окно гляну! Нет, ну, что же ты стоишь! Тебе в школу пора!». Сотня вопросов в минуту и все строгим голосом. Малец опустил голову и, молча, слушал строгий выговор в исполнении пигалицы. А потом Груня, отпустив парня, с трудом схватила цветы. Постояла, поулыбалась над ними и захлопнула дверь, отсекая квартиру от незамеченных ею зрителей. Вернее, зрителя, который все еще находился под впечатлением нежной, немного смущенной улыбки.

– Дядь, а, дядь! – громким шепотом позвал малец, остановившись в метре от прятавшегося Барычинского, – Цветы я отдал.

– Держи! – хмыкнул Васька и сунул мальчишке свернутую купюру.

Парень убежал, а Васька спустился следом. Оказавшись на улице, осмотрелся по сторонам, увидел припаркованную машину такси и, договорившись с водителем, поехал домой. Но если бы Бася, выйдя из подъезда, поднял бы голову вверх, то он увидел бы рыжеволосую девчонку, буквально прилипшую к оконному стеклу третьего этажа.

* * *

Завтрак вновь не удался, вернее, Груня опять проспала, благополучно его пропустив. И она бы опоздала и на дополнительное занятие, если бы не соседский мальчишка Димка, который буквально разбудил ее, заставив окончательно выпутаться из сказочных снов.

И причина Димкиного прихода была милой. Нет, правда, милой. Глядя на огромный букет роз, который и в ведро-то не влез, девушка глупо улыбалась. Столько цветов ей еще не дарили. Нет, кактус там в горшке. Или тюльпаны на Восьмое марта, это да. А вот чтобы так шикарно, к тому же еще и розы. Нет, не было.

Поставив цветы в воду, Груня не удержалась и сделала, наверное, сотню снимков. А потом помчалась на занятие сломя голову. Да что там мчалась, Груня летела. И после учебы,

так же, перепрыгивая через лужи, побежала на работу. Сегодня Груня заступила на смену раньше обычного. Что именно двигало этим поступком – она и сама не знала. Просто хотелось как можно быстрее оказаться в ресторане.

Смена прошла тихо и спокойно, никаких происшествий, никаких язвительных фраз и уже привычного «Пигалица!». Ничего.

И сколько бы Груня себя не уговаривала, девушка поняла одно: она до жути хотела взглянуть в карие глаза, нахальные и невоспитанные, младшего хозяина ресторана. Но его не было. Василий Павлович на работу в этот день не явился.

Возвращаясь домой после смены, Груня шла, пряча руки в карманы куртки. Погода изменилась в лучшую сторону. А вот настроение Груни наоборот, ухудшилось.

Еще больше Грунька печалилась от мысли, что днем она уезжает из города денька на три, не меньше. Пару дней назад позвонила тетушка, и по голосу Груня поняла, что та простудилась. Вот Грунька и решила навестить родную кровинушку, отпросившись у куратора и у Пал Палыча. Билет на поезд, уже купленный, аккуратно сложенный, ждал своего часа в кошельке. Оставалось только побросать вещи в рюкзак. И уехать, попрощавшись, пусть всего на три дня, с городом, который Груньку иногда душил, не позволяя сделать глубокого вдоха всей грудью. За все то время, что девушка жила в городе у бабушки, она никогда не искала причины задержаться даже на час в шумном мегаполисе. Но не сегодня. Почему-то сейчас все изменилось.

Квартира бабушки встретила Пепел тишиной и уютом. Бабушка уже спала, оставив дверь в свою комнату приоткрытой. И Грунька тихонько прокралась в свою спальню. Прихватив полотенце и пижаму, девушка отправилась в душ. А потом, так и не включая нигде света, скользнула в постель. Накрывшись до самого подбородка одеялом, Груня смотрела на ведро, полное изумительных роз. Нет, что ни говори, а Василий Павлович смог ее удивить.

Утром, проснувшись, как ни странно рано, Груня под строгим взглядом бабушки позавтракала, и побежала к соседям. У них сегодня намечено торжественное событие. Елена Соколова, с которой они знакомы с самого детства, выходила замуж. И по старой, так сказать, дружбе, она упросила Груню сделать несколько снимков ее и жениха.

Груня отказать не смогла. Но поскольку билет на поезд уже грел карман, а тетушка у себя в деревне пекла пироги и ждала студентку-племянницу, девчонка предупредила, что сможет задержаться только до часу дня. А поскольку регистрация была назначена на половину третьего, то Груня договорилась поработать с камерой только в доме и на улице.

Вооружившись фотоаппаратом, неунывающей улыбкой и отличным настроением, Грунька приступила к работе. Ленка Соколова на фотографиях получалась шикарной, нежной и изящной принцессой. Груня отсняла, наверное тысячу фотографий, радостно и с одобрением поглядывая на дисплей, и перелистывая кадрики.

А потом приехал картеж жениха во главе с Герасимом Черепановым – счастливым женихом. Наведя объектив на парня, Груня на миг застыла.

Человек, чьего присутствия она абсолютно не ожидала, хмуро смотрел на нее. Грунька четко разобрала, как пару раз Барычинский пытался подойти к ней ближе. Но девчонка вновь принималась щелкать кадры один за другим. А Василий Павлович только недовольно хмурился.

Ровно в оговоренное время Грунька исчезла, на прощание помахав Елене. Сбегав за рюкзаком домой, Пепел спрятала в него камеру и отправилась на железнодорожный вокзал. И уже сидя в поезде, который скоростной стрелой уносил ее все дальше из города, Грунька пролистывала отснятые кадры, увеличивая их, а не понравившиеся – удаляя. Пока не наткнулась на одну картинку, заставившую ее замереть на месте. Василий Павлович. Он смотрел куда-то в сторону, слегка склонив голову набок. Выглядел он при этом по-мальчишески милым. Настолько непохожим на того, обычного Василия, к которому Груня уже привыкла за время работы, что сердце невольно пустилось вскачь.

Глава пятая, в которой Груня искренне удивится, но вида не подаст

Появившись в ресторане на утро после свадьбы друга, Барычинский не стал заходить в зал, а напрямик направился в кабинет директора. Подписав пару бумаг, о которых просил отец, Барин бросил взгляд на часы.

Уже три. Скоро прибежит пигалица, с которой ему не удалось поговорить на вчерашней свадьбе. Девчонка как сквозь землю провалилась, так же неожиданно, как и появилась во дворе полковника Соколова, из квартиры которого друзья Черепанова во главе с Василием выкупали невесту – Елену-Прекрасную.

Вчера, как только машина оказалась в уже знакомом дворе, Баська сразу понял, что тот самый полковник – сосед Груни по лестничной клетке и дядька Елены – одно и то же лицо. А значит, был шанс встретить пигалицу. И встретил ведь. Да только девчонка не обратила на него, Ваську, ровным счетом никакого внимания. Только и знала, что прыгала вокруг народа со своей камерой и неугомонным позитивом. Ее улыбка, впрочем, как и всегда, настолько заряжала всех положительными эмоциями, что Баська стискивал зубы каждый раз, когда на пигалицу кто-то излишне пялился, подмигивал ей, норовил взглянуть на дисплей камеры, типа, посмотреть получившуюся фотку. Василий и сам не понимал, что вообще вокруг происходит. Но объяснения получить хотел, хотел подойти и в лоб спросить, а какого, собственно, лешего, она скачет здесь, а не на рабочем месте? Но не выходило. А потом, когда Васька буквально отвернулся на минутку, чтобы утрясти вопрос с машинами для подружек невесты, как Груня и вовсе бесследно исчезла в неизвестном направлении.

И теперь вот, на следующий день после свадьбы и удачного торжества, на котором, на минуточку, Василий вообще не выпил ни грамма алкоголя, он за каким-то лядом притащился на работу. С самого ранья. Как дурак. Притащился, переделал все важные дела и сидит тихонько за прежним столиком, почти каждую минуту поглядывая то на часы, то на двери, из-за которых вот-вот должна была появиться пигалица.

Но время шло, Василий скурил пачку сигарет, уже и пообедал. А потом, плюнув на все, позвал к себе Вовчика.

– Пигалица где? Почему не вышла? – хмуро спросил Василий, прикуривая сигарету и щелкнув зажигалкой.

– Пал Палыч отпустил, – спокойно ответил администратор.

– С хера ли? – вырвалось у Барычинского, а сам парень, выпуская дым изо рта, смотрел на Вовчика цепким взглядом.

– Не в курсе, – пожал плечом Вовчик, – Мне не доложились. Рангом не вышел.

Васька не стал отвечать, а только встал с дивана. По счастливой случайности, именно в этот момент, в ресторан решил подкатить и старший владелец. Павел Павлович вошел в зал, кивая постоянным клиентам. С кем-то здоровался за руку, кого-то хлопал по плечу. А потом скрылся в коридоре, в направлении своего кабинета.

Когда Бася решительным шагом, можно сказать, ворвался в кабинет отца, родитель чинно восседал в своем кресле и читал кулинарный журнал, перелистывая глянцево-страницы.

– Ты только глянь, – заметил отец, не взглянув на сына, но прекрасно зная, кто именно вошел в кабинет, – Лобстеры нынче в моде. А мне так наши раки ближе. Что думаешь?

– Бать, ты девчонку куда отпустил? – не стал юлить сын, единственный родитель знал отпрыска, как никто другой, и поэтому Васька не видел смысла вести беседы вокруг да около.

– Какую? – хитро прищурился Барычинский, не поднимая головы и не отвлекаясь от чтения.

– А у нас тут много девчонок? – Васька уже начинал кипеть.

– Алефтина, Марь Дмитриевна и Катенька еще, – перечислил Пал Палыч весь малочисленный женский коллектив, – Все трудятся на благо ресторана под крылом Михалыча.

– Вот только не нужно из меня дурачка делать! – взревел Василий.

– Ты, Василий, обороты сбавь! – рявкнул отец, стукнув кулаком по столу, одаривая сына тяжелым взглядом, – Я тебе не пацан сопливый!

Василий выдохнул, чуть прикрыл глаза рукой, потер переносицу, успокаиваясь.

– Извини, пап, – хмуро изрек Барин, – Чет нервы шалят.

– Подсадила, гляжу, тебя пигалица твоя, – задумчиво проговорил Пал Палыч, внимательным взглядом изучая напряженное лицо сына, и прежде, чем он успел что-то возразить, добавил, – К тетке уехала. В деревню. Через два дня обещала быть.

– В какую деревню? – переспросил Барычинский, присаживаясь на диван.

– Не сказала, – ответил отец, – А ты, Васька, слушай, что скажу. Не для обид девочка, не для игр. Хочешь бабу, сам знаешь, где искать. А за нее я тебя выпорю, не посмотрю, что лет под тридцать и сын единственный. Понял?

Васька долго смотрел на отца, будто вникал в смысл сказанных им слов. А потом, молча, вынул сигареты из кармана, и собрался было прикурить.

– И завязывал бы уже, – хмуро заметил Пал Палыч, – Во, держи. Скушай лучше ферментов счастья.

Барычинский-старший вынул из верхнего ящика стола шоколадку и бросил ее в сына. Васька, словив летящую в него плитку, покорно спрятал пачку обратно в карман. А с шоколадкой выпил чаю в компании с отцом.

* * *

Поезд, на котором возвращалась Груня от тетушки, казалось бы, полз. Грунька так сильно хотела оказаться в городе, как можно скорее, что и не обращала внимания ни на кого вокруг. Дорога от вокзала до дома тоже показалась длиною в вечность. И только в своей комнате, куда девчонка буквально влетела, Грунька застыла, стараясь перевести дыхание.

Розы были на прежнем месте. Бабушка исправно меняла воду и подрезала стебельки, чтобы дольше простояли и не увяли. Легко пробежавшись кончиками пальцев по уже распустившимся бутонам, Груня улыбнулась. И выдохнула. Как же, оказывается, приятно, вернуться домой.

Учеба пронеслась, словно одно мгновение. И Груня, гораздо раньше обычного оговоренного с Пал Палычем времени, уже бежала в ресторан. Словно маленький, рыжий и широко улыбающийся ураганчик, девчонка ворвалась в «Барин», приветствуя коллег радостными улыбками, взмахами ладошки и кивками.

Быстренько переодевшись, Груня помчалась на кухню. Михалыч уже колдовал в своем царстве, а увидев рыжую девчонку, заулыбался. Отложив нож, которым шеф-повар мелко нарезал украшения для очередного шедевра, мужчина приблизился к Груне.

– Ох, и сучали мы по тебе, Грушенька! – удивил девочку Михалыч, да так, что она мило засмушалась, – Но ты не расслабляйся, девочка! Вот, неси начальству. Ждет, оголодало там совсем.

– Куда нести? – все еще улыбалась Грунька, хватая круглый поднос с уже выставленными на нем двумя тарелками, хлебной корзиной и приборами.

На тарелке ароматное мясо и изумительные на вид овощи напомнили Груньке, что она с утра, как обычно, ничего и не ела. Пообещав себе и своему организму, что поест сразу же, как

только отнесет обед Барычинским, девчонка торопливо отправилась в указанный Михалычем кабинет. Что показалось девчонке странным, ведь обычно начальство предпочитало обедать и ужинать в зале.

Оказавшись перед директорским кабинетом, Груня постучала в дверь костяшками пальцев. Но, так и не дождавшись разрешения войти, отворила дверь. В кабинете было тихо. И в первое мгновение Груня решила, что Михалыч ошибся, и обед нужно все же нести в зал. Но, шагнув глубже, вдруг увидела лежащего на диване мужчину.

Василий Павлович мирно сопел во сне, спрятав ладони под мышки. От этого движения футболка на руках мужчины натянулась, обрисовывая рельеф мышц. А при каждом вдохе грудная клетка поднималась, привлекая внимание девушки. И Груни подумалось, что Василий Павлович обладает очень и очень шикарной фигурой.

Вздыхнув и отбросив все ненужные в эту минуту мысли, Грунька смело шагнула в кабинет. Тихо подошла к столику, осторожно, чтобы не разбудить мужчину, расставила тарелки, разложила приборы, и собралась уже так же тихо и незаметно покинуть кабинет, как вдруг сонный голос заставил ее замереть на месте.

– Ты обедала?

Голос звучал тихо, хрипловато со сна, и совсем не так, каким его запомнила Груня. Словно этот Василий Павлович был другим человеком.

– Нет, пока не успела. Но я как раз собиралась, пока народу немного.

Василий сел на диване, потер лицо ладонями, будто сгоняя остатки сна. Бросил взгляд на наручные часы. Потер грудную клетку, словно прогоняя дурной сон. И легко поднялся на ноги.

Груня уже мелкими шажочками прокрадась к приоткрытой двери. Но Васька, хмурясь, опередил ее. Захлопнул дверь перед носом девчонки, и, ухватившись горячими ладонями за плечи, развернул ее лицом к столу.

– Не выйдешь, пока не поешь, – сказал, как отрезал.

– Но Пал Палыч... – начала возражать Груня.

– На слете рестораторов твой Пал Палыч, – ответил Василий, подтолкнул девчонку к столу и сам сел напротив.

Грунька минуту колебалась, вздыхая и переводя взгляд с аппетитной и изумительно благоухающей тарелки на хозяина ресторана.

– Так и будешь стоять и ждать, пока остынет? – хмыкнул Василий, приступая к своей порции.

Девчонка вздохнула еще раз. Нет, ведь и вправду может не выпустить. А ей еще работать смену. Все-таки придется обедать здесь.

Послушно усевшись на стул, Груня аккуратно взяла приборы в ловкие пальчики. Мясо не только на вид, но и на вкус оказалось изумительным. Впрочем, как и всегда у Михалыча. И Грунька не заметила, как съела все, до последнего кусочка. Послушно выпила стакан сока, который Василий Павлович налил и поставил перед ней, быстренько собрала грязную посуду на поднос и уже встала из-за стола, как короткая фраза заставила ее вновь плюхнуться на стул.

– Выпьешь со мной чаю? Или кофе, – как-то очень тихо спросил Василий Павлович и добавил, – С шоколадкой.

Груня изумленно подняла брови вверх.

– С шоколадкой? – переспросила девчонка, – А может быть, перекурим лучше. Второй раз вам извиняться не придется.

А дальше Груня не просто была удивлена, а сражена наповал. Потому что по кабинету разнесся раскатистый глубокий мужской смех. Лицо Василия Павловича растеряло всю хмурость и морщинки вокруг красиво очерченного рта, а глаза искрились смехом и весельем. И Груня поняла, что тоже тихо посмеивается, любуясь лучиками морщинок-смешинок вокруг глаз парня. Интересно, подумалось Груне, а сколько ему лет? Сейчас, когда он улыбался,

задорно глядя на нее, Груня поняла, что Барину около тридцати. А не к сорока, как она изначально думала. Просто вечно хмурое выражение лица значительно прибавляло ему возраст.

И еще девчонка поняла, хотя, признаться честно, это она поняла уже давно, что Василий – очень красивый мужчина. Очень.

– Беги, пигалица, – разрешил Барычинский, – И возвращайся на чай. Не помрет никто без тебя в зале.

– Василий Павлович, у меня имя есть, – напомнила Груня, обернувшись в дверях.

– Я помню, – ответил Василий, провожая девчонку взглядом.

Парень сидел, сыто откинувшись в директорском кресле на спинку и переплетя пальцы, устроив ладони на животе. Все внимание карих глаз мужчины было устремлено на застывшую фигурку девчонки. На искреннее удивление в ее глазах от того, насколько ласково прозвучала фраза, сказанная бархатисто-хрипловатым голосом. На милые ямочки на чуть порозовевших щечках.

Кивнув, пигалица скрылась за дверью кабинета, а Васька заулыбался, словно сытый кот, и причиной был не только вкусный обед.

* * *

Чаепитие прошло так же, как и обед. Барин спокойно отпивал душистый напиток из огромной кружки. А Груня, из чашки поменьше, наслаждалась липовым чаем, который Михайч специально приготовил для них по секретному рецепту. Между молодыми людьми на столе лежала развернутая плитка шоколада, разломанная на дольки. Добрую половину уже пригоровил Бася, а Груня медленно пережевывала второй кусочек. Тишину кабинета не хотелось нарушать. И Груня только едва заметно улыбалась, задумчиво глядя в окно. А Васька тем более молчал. А о чем говорить? Звать на свидание? Так пошлет же, изысканно и интеллигентно. А тем для бесед общих пока не было.

Выпив чашку до дна, Груня посмотрела на Барычинского, на его кружку, и вновь в карие глаза.

– Торопишься? Я отнесу сам, беги.

Груня кивнула, оставляя чашку в покое. И быстренько, пока не передумала, исчезла из кабинета. А Васька еще долго сидел в кресле, задумчиво глядя в то самое окно, куда смотрела пигалица. Смотрел и думал, как же быть ему дальше-то?

* * *

После сытного обеда и горячего чая курить хотелось просто зверски, да так, что уши скручивались в трубочку. Взяв пачку и зажигалку, Васька вышел к черному входу, как был, в одной футболке. Выкурив сигарету, Барин зябко поежился. Снег мелкими снежинками уже ложился на сырую землю. А ведь вчера еще светило осеннее солнце.

Баська усмехнулся. И с каких пор он начал замечать, как светит солнце, и как падает снег? Нет, определенно, твориться что-то странное с ним.

Решив, что неплохо проветрить мозги, пока не натворил глупостей, Барычинский, не спеша, обошел здание и зашел с парадного входа. Медленно двигаясь по залу, Васька присел на свое обычное место, не за пятый столик в зону для курящих посетителей, а туда, откуда просматривался весь зал.

Рыжеволосая пигалица уже сновала по залу, вежливо общаясь с клиентами, улыбаясь им своими ямочками и, как казалось Ваське, игнорируя его самого. Но он старался не нервничать по этому поводу. Сильно старался. Только выходило плохо.

– Чего сударь желает? – подскочил к нему Вовчик, хитро щуря глазенки, – Аль кого?

– Смойся, – беззлобно проворчал Васька, – Кофе тащи, все равно не отвянешь.

Админ послушно испарился, а спустя минуту, к столу Барина подплыла Груня с чашкой кофе в руках. Улыбнулась, сверкая ямочками, поставила чашку перед ним.

– Приятного, – скромно пожелала девчонка и отошла от столика.

Васька, как ни пытался, скрыть улыбку не смог. Уж больно рад он был сегодня. И сам не понял толком, отчего. Но считал это неважным. Ему хорошо и спокойно на душе, а остальное – по боку.

Грунька отошла от его столика на пару шагов, и тут же была перехвачена клиентами. Тройка молодых парней обосновалась на уютных диванах, и ожидала заказанных ранее блюд.

– Слышь, малышка! – четко разобрал Бася и мотнул головой в сторону соседнего столика. Уж больно не понравился ему голос пацана, – Кальян неси!

– Прошу прощения, – вежливо произнесла Груня, – Но кальяны у нас не подают. К тому же, эта зона для некурящих посетителей. Для вашего удобства в нашем заведении оборудованы курилки.

– Я бы тебя простил разок-другой в той самой курилке, – пробормотал второй товарищ.

Парень говорил довольно тихо, но Груня расслышала его слова. Как и Васька, реакция которого не заставила себя долго ждать.

Стремительно дернувшись из-за стола, Барин приложил того самого любителя курилок головой о стол. Из его носа двумя струйками хлынула кровь, заставив хозяина носа истошно взвыть.

– Рот закрыл! – прошипел Василий, фиксируя пацана за шею и низко склонившись над распростертым на столе теле, – Собрал товарищей, и свалили! Живо!

Парни, как и было велено, торопливо свернули компанию и удалились, уводя друга, пострадавшего в неравном бою со столом. А Васька вернулся на свое место. Спокойно и невозмутимо отпил кофе из чашки. И встретил возмущенный взгляд зеленых глаз.

– Вот зачем вы так, Василий Павлович?! – громким шепотом отчитала парня Груня, – Они же дети еще. Безобидные.

– Эти дети – крокодилы, старше тебя, – фыркнул Бася.

– Но они наши клиенты, – возразила Груня, – а клиентов нельзя мордой о стол.

– Так, – Васька чуть склонился вперед, опираясь локтями о дубовую гладь стола, – Беги-ка ты лучше работай, пока я не вспомнил, что являюсь невоспитанным хамом и грубияном, не передумал и не выловил их у входа.

Груня вздохнула, но промолчала. Барычинский видел по ее глазам, что девчонка хочет много чего сказать в его адрес. Но сдержалась. Только недовольно зыркнула своими зелеными глазницами и, поджав губы, убежала к Михалычу за очередным заказом.

* * *

Глава шестая, в которой Груня Пепел мило смутится, немного расстроится и растеряется

По графику у Груни был выходной, но в связи с тремя днями отсутствия на рабочем месте девчонка вышла в смену в воскресенье. Но не к пяти, как обычно, а с самого открытия.

Уже привычно влетев в здание ресторана, Грунька радостно помахала Владимиру. Парень стоял у стойки рецепшена, внося какие-то поправки в записи резерва столиков и кабинок. Увидев широко улыбающуюся красавицу-официантку, Владимир перехватил планшет и направился к ней.

– Переодевайся, и пойдем кое-чего покажу! – улыбался парень.

Грунька послушно скрылась в комнате для персонала, а спустя пару минут уже выскакивала в зал, на ходу повязывая фартук на талии.

– Глянь, что у меня есть! – в руках Владимира появилась небольшая книга в черно-белой обложке, и, увидев название и автора, Пепел буквально расцвела на глазах.

– Вова! – громким восторженным шепотом произнесла девушка, – Это же сам Марк Шахов!

– Дарю! – рассмеялся Вовчик, глядя, как трепетно девчонка перелистывает страницы книжки, попавшей в ее цепкие пальчики.

– Ты даже не представляешь, какой он талантливый фотограф! Маэстро! – восхищенно рассказывала Груня, любуясь фотографиями работ известного в города, да и во всей стране фотографа, – Как ты узнал? Вовка! Спасибо тебе огромное!

Девчонка не удержалась и от переизбытка чувств кинулась парню на шею. Тот только тихо посмеивался, придерживая веселый и радостный огонек с редким именем руками.

Молодые люди настолько увлеклись подарком, беседой и словами благодарности, что абсолютно не заметили нечаянного зрителя, застывшего каменной глыбой в просторном зале. Каменная глыба, буквально скрежеща зубами, убийственным взглядом сверлила веселую парочку. И если бы взгляд мог бы убить, то у Вовчика не было бы шансов на выживание. Карие глаза прикипели к мужской ладони на узкой осиной талии, а руки с хрустом сжались в кулак. Внутри каменного изваяния с горящими глазами бушевал ураган, грозящий снести все на своем пути, в частности отдельно взятого администратора престижного ресторана города.

Барин постарался выдохнуть, предпочитая не думать о том, насколько счастливой сейчас выглядела пигалица.

– Василий Павлович! – словно из тумана выволок его голос пигалицы, радостный, счастливый, задорный, – А у нас тут вот...

Васька предпочел не слушать что у них там «вот», а только рывкнул во всю глотку так, что затряслась посуда за баром у Сашки.

– Генеральная уборка! Чтобы через час весь зал блестел, как у котика яйца! И посуду посчитайте!

Дверь директорского кабинета гроыхнула так, что едва не слетела с петель. Девчонка в недоумении посмотрела вслед стремительно исчезнувшему парню, перевела взгляд на Владимира.

– Не обращай внимания, Грунька, – хитро прищурился Вовчик, – Генеральная уборка – не страшно. Парни за полчаса все сделают. А посуду вчера считали.

– Да я и не боюсь, – пожала плечом Груня, все еще прижимая к груди подаренную книжку, – Просто нельзя вот так без причины кричать на людей. В конце концов, мы не рабы и не крепостные!

Владимир, зная Барина не первый год, сложил два и два: появление Груни, необъяснимые вспышки гнева и попытки урезать суточное потребление никотина, мордобой клиентских рож, рискнувших бросить пошлые намеки в адрес пигалицы, и получил вполне очевидную картинку.

– Ты, Грунька, беги, парням помоги, – решил Владимир, – А я пока утрясу кое-чего.

– Знаешь, Владимир, – решительно заявила Груня, обходя администратора, – Так дело не пойдет.

И прежде, чем Вовчик успел перехватить девчонку, она уже едва ли не бегом скрылась за многострадальной дверью директорского кабинета.

Откровенно говоря, Владимир мог легко ее догнать, крикнуть, велеть не вмешиваться. Но что-то подсказывало ему, что влезать в отношения начальства и девчонки не стоит.

* * *

Барычинский стоял у окна и курил, вернее, пытался прикурить, нервно клацая зажигалкой.

– Вы несправедливы к своим подчиненным! – строго произнесла Груня, входя в кабинет, – Посуду вчера пересчитали. А в зале Катенька порядок навела еще рано утром. Мальчишкам нужно зал открывать, а не с тряпками бегать!

Васька медленно обернулся, посмотрел на девчонку сверху вниз, сжав губами фильтр.

– Какого ху... хутора ты приперлась?! – рявкнул Васька.

От мужского крика, прокатившегося по служебному коридору, кажется, сотряслись стены. Но Груня и бровью не повела, только крепче стиснула книгу в своих руках, непроизвольно привлекая к ней внимание Василия.

– Вы бы подбирали выражения! – прищурилась Груня.

– Тебе мои выражения не нравятся?! – прищурился Василий, шагнув ближе, – А я, знаешь ли, не вшивая интеллигенция! Школ благородных девиц не кончал!

– И что? – возмутилась Груня бесстрашно, – Все равно, нельзя так с парнями!

– За парней печешься? – прищурился Васька, – За кого конкретно? За Вовчика?

Взгляд Барина задержался на книге в руках пигалицы. И настолько сильно взбесила его эта штукавина, словно красная тряпка быка, что Васька не смог сдержаться. Подойдя ближе, дернул подарок Вовчика из рук пигалицы и, что есть силы, зашвырнул ею в стену, совершенно не глядя, куда она летит. Раздался звон бьющегося стекла. Коллекционные бутылки бати посыпались на пол с полки.

– Ну, вы...! – возмутилась Груня, и, резко выбросив руку вперед, выдернула не прикуренную сигарету изо рта Васи, – Невоспитанный хам и засранец!

Демонстративно раскрошив сигарету на пол, Груня уперла руки в бедра.

– Вот теперь берите и генеральте здесь! Сами! А Катенька имеет право на законный перерыв!

Выходя, Груня хлопнула дверью, едва ли не так же сильно, как и Васька за пару минут до нее. Оставшись в кабинете, Барычинский привалился бедром к столу.

Это что, мать твою, только что случилось?

Взгляд задержался на кучке стекла и этикеток, на луже растекающегося элитного алкоголя отца. На книге, промокшей и безвозвратно испорченной.

Нет, и все-таки он, Васька, тот еще осел. Так думал Василий Павлович, собирая осколки с пола, и вспоминая счастливое лицо пигалицы, когда она держала книгу Шахова в руках.

* * *

Смена выдалась тяжелой. И дело даже не в потоке клиентов, заполонивших, казалось бы, весь зал и второй этаж. Груня не находила места от того, что за обычным столиком всю смену ни разу не появился хмурый и хамоватый младший хозяин «Барина». Даже на обед не пришел. Вообще, как уехал после утренних криков и разборок, так и не возвращался еще. Грунька порывалась несколько раз взять у Вовчика номер телефона, позвонить и извиниться. Но не решилась. И к закрытию Грунька поняла, что с момента ее работы в «Барине», ее жизнь окончательно и бесповоротно изменилась. И доказательством тому явились фотографии, сохраненные в памяти телефона.

Фотографий в телефоне Груни было много. Снимков родного дома, где жила с первых лет жизни с тетушкой Нюрой, родной деревни с просторными улочками, животными, речкой и перелесками. Имелись кадры и городского пейзажа. Но с недавних пор все эти снимки Груня пересматривала крайне редко. Гораздо чаще, в сотни раз чаще, девчонка любовалась всего тремя снимками. Теми, на которых задумчиво улыбался хамоватый Василий Павлович. Улыбался естественно, открыто. И Груня очень гордилась тем, как у нее вышло «подловить» грозного и резкого Барычинского. Даже тетушка, увидев снимок, полюбопытствовала:

– А что это за милый молодой человек?

Грунька промолчала, только смущенно заулыбалась. А потом и призналась, что он – тот самый даритель охапки цветов, и по совместительству, ее начальник.

В ответ мудрая тетя Нюра похлопала племянницу по ладошке и тихо предупредила:

– Будь осторожна, Грунечка.

Груньке ничего не оставалось, кроме как кивнуть. И вот сейчас, вздыхая и переодеваясь после смены, девчонка поняла, что имела в виду тетушка. Подлый хам своим скверным характером и полным отсутствием манер, но вниманием к некоторым мелочам и тягой к справедливости безошибочно отыскал путь к ее сердцу.

Попрощавшись с парнями, Груня вышла из ресторана. Постояла на крыльце. Запрокинув голову, взглянула на тучки, бегущие по ночному небу. Звезд не было видно. И Груне показалось, что даже небо хмурится вместе с ней за компанию. Камера уже послушно переключалась из рюкзака в руки девчонки, но внимание привлек небольшой белоснежный конверт, торчащий из чехла камеры. Вытянув его и раскрыв, Грунька замерла, широко распахнутыми глазами изучая содержимое конверта. Два пригласительных билета на эксклюзивный показ работ того самого Марка Шахова! Пепел читала в ленте новостей, что известный фотограф откроет двери своей галереи всего на день. И билеты достать просто нереально, а если и реально, то за баснословные деньги, которых у девчонки просто не было.

Мысли путались и убегали, и Груня торопливо вынула телефон. Единственным человеком, с которым она говорила о своем кумире Шахове, был Вовчик. Набрав телефон парня, Пепел улыбалась.

– Вов! Ну, ты зачем?! Дорого же! – затараторила Груня.

– Ты сейчас о чем? – поинтересовался Вовчик, и тут же появился за спиной девчонки, уже переодетый в обычные линялые джинсы, свитер и дутый жилет. На голове красовалась смешная шапка с помпоном, превращая строгого админа ресторана в бесшабашного парнишку.

– Вот! – Груня потрясла перед носом друга конвертом с пригласительными билетами.

– А че я сразу? – возмутился Вовчик, хитро глядя на девчонку, – Вон, черный Мерин. Туда вопросы. А я помчался. Не скучай, крошка.

Вовчик щелкнул Груню по носу и поспешно удалился в сторону припаркованного рядом с крыльцом велосипеда. А девчонка смотрела в указанном Вовой направлении. Черный Мерседес с тонированными стеклами стоял в нескольких парковочных местах от ресторана. Грунька

прекрасно знала, кому принадлежал сей транспорт. Вдохнув поглубже, Пепел подошла ближе. Водительское стекло было опущено, сигаретный дым облачком устремлялся ввысь при каждом выдохе. А сам хозяин Мерседеса и ресторана сидел в салоне, задумчиво глядя через лобовое стекло на улицу.

Подойдя еще ближе, Груня замерла. Наклонившись, заглянула в салон автомобиля.

– Василий Павлович? – тихо привлекла к себе внимание Груня, – Вот. Я хочу вернуть билеты. Вам не стоило, они дорогие, и потом....

– Что «потом»? – перебил Василий Павлович, не глядя на девушку.

– И потом, у вас, наверное, и без меня есть с кем пойти, – уже тверже говорила Груня, – И вы совершенно не обязаны извиняться за утренний случай. И цветы... Тоже не нужно было тогда.... Еще и в таком количестве...

– Почему? – Васька все еще не смотрел на девчонку, только выбросил сигарету в лужу через окно.

Груня проследила взглядом за окурком, утонувшим в луже. Замечание уже готово было слететь с ее губ, но Василий опередил ее. Вышел из машины, хлопнув дверцей. Хмуро посмотрел на пигалицу сверху вниз.

– Потому что я невоспитанный хам и засранец? – припомнил Василий, сквозь прищур глаз, изучая лицо пигалицы, – Думаешь, не гожусь для выставки этих твоих любителей прекрасного? Думаешь, прямо с порога начну бить всем морды и плевать матом?

– Вообще-то я такого не говорила! – упрямо поджала губы Груня, расправив плечи и бесстрашно глядя на собеседника, – Я сказала, что вы легко найдете спутницу. Заберите билеты!

– Сдались мне твои билеты! – уже громче и более грозно отвечал Василий, – Не нравятся – выбрось!

– Вот и выброшу! – пригрозила девушка, прищурившись, и протягивая парню конверт с пригласительными внутри, – Заберите немедленно!

– Не возьмешь? – прищурился Васька, чуть склонив голову ближе к смешной шапке пигалицы.

– Нет! – затрясла головой Груня.

Баська схватил конверт и одним движением смял его в кулаке.

– Вы что творите?! – вскрикнула Груня, – С ума сошли!

Девчонка обеими ручками схватила за кулак Барычинского и принялась разжимать пальцы, извлекая смятые клочки бумаги.

– Варвар невоспитанный! – бормотала Груня, высвобождая разноцветные кусочки плотной бумаги из цепкого захвата, – Да разожмите уже, наконец, пальцы!

Васька стоял, словно в ступоре. Ловкие пальчики порхали по его ладони, заставив обостриться все чувства. А он не мог пошевелиться. Потому что девчонка его просто убила. Своей наивностью. Своим теплом и блеском зеленых глаз. Своим светом и улыбкой.

– Садись, – тихо скомандовал Барин, – Домой отвезу.

– Глупости, я живу в паре кварталов от ресторана, – отмахнулась девушка, радуясь, что билеты практически не пострадали. Так, измялись немного.

– Лучше сядь в машину! – пригрозил Василий и, не дожидаясь ответа, сел за руль. А когда девчонка, к его удивлению, без возражений заняла соседнее переднее сиденье, добавил, – Начало в пять. Заеду в четыре. И не переживай, без причины в драку не полезу.

Дорога до дома, в котором жила Груня, заняла всего несколько минут. Пигалица вертела в ладошках билеты, разглаживая их и расправляя. А Баська толком и не следил за дорогой. Ехал скорее на автопилоте. Потому, что девчонка отвоевала себе большую часть его мозгов. Сидела рядом. Пахла своей весной. В общем, Василий Павлович понимал, что увяз он по самые помидоры.

Припарковавшись около подъезда, Барычинский не стал глушить мотор. Заглушит, и что скажет? До завтра? До свидания? Вот что, едрит-Мадрит?

Васька подумал, что нужно бы посоветоваться у верного друга Герыча. Тот уж точно знает, как общаться с прекрасным полом. Вон как быстро женился, еще и на такой красавице.

– Василий Павлович, – нарушила затянувшуюся тишину пигалица, тем самым неосознанно выручив растерявшегося шефа, – А как завтра с работой?

– Я разберусь, – Васька рукой потянулся за лежавшей на приборной панели пачкой сигарет, но сам себя заставил одернуть ладонь, – Беги. Выспись лучше.

– До свидания, Василий Павлович, – улыбнулась Груня своей волшебной улыбкой, и, дождавшись короткого кивка от хмурого Барина, выскочила из машины.

Оказавшись в подъезде, Грунька взлетела на этаж выше и выглянула из подъездного окна. Черный Мерседес все еще стоял на прежнем месте. Грунька помялась немного, рассматривая дорогое авто через стекло, а потом, вздохнув, поднялась на третий этаж. Когда девчонка выглянула из окна своей комнаты на улицу, Мерседеса уже не было.

* * *

Проснувшись рано утром, Пепел бездумно смотрела в потолок. Сегодня она попадет на выставку своего кумира, с которым не была знакома лично, но как-то раз известный фотограф проводил мастер-класс для всего потока. И вот сейчас Груньке как-то не верилось, что она действительно посмотрит его работы. Нет, о знакомстве с маэстро речи и не шло. Девушка хотела просто посмотреть на шедевры воочию.

Искупавшись и уложив волосы, Грунька распахнула дверцы шкафа. Не самого шикарного, скажем прямо. И поэтому Груня капельку приуныла. Понятно, что эксклюзивная выставка – это значимое событие и в простых джинсах и сапожках с жирафами на нее не явишься. Вздохнув, девчонка перерыла весь свой гардероб. Дважды. Вопрос с нарядом так и не был решен, даже после третьего осмотра шкафа целиком.

Делать нечего. Груня, поднявшись на цыпочки, достала небольшую деревянную шкапу. Вытряхнув все сбережения и пересчитав купюры, Грунька натянула джинсы, тонкий свитер, и отправилась за новым платьем.

Спустя три часа, немного грустная из-за отсутствия сбережений на новенькую камеру, но довольная из-за пополнения гардероба, Грунька уже вертелась перед зеркалом в своей комнате.

– Красотка ты у меня, – в дверях замерла бабушка, а потом и вошла в комнату, присела на краешек кровати, – Вся в мать. Та тоже была первой красавицей. Женихов за ней толпа ходила.

– Бабуль, – Груня присела рядом с бабушкой, обняла старушку, приластилась, – Не плачь. Хорошо? Я тебя знаю, разрыдаешься сейчас.

– А чего рыдать? – вздохнула Надежда Вадимовна, – Если бы не сынок мой, дуралей, каких мало, живы были бы. А теперь вон, одну тебя оставили, сиротинушку.

– Брось, бабуль, – Грунька прижалась к старушке, поцеловала в щеку, – Зато они вместе.

– Как там Нюра поживает? Давно к нам не выбиралась, – поворчала старушка, вытирая глаза платочком.

– Ты ведь знаешь, она город не любит, – ответила Груня, – Давай лучше мы к ней как-нибудь вдвоем наведемся? Она всегда тебя ждет в гости. Знаешь ведь.

– Знаю, Грушенька, знаю, – улыбнулась Надежда Вадимовна, – Через недельку-другую поедем. Душевная женщина, наша тетушка Нюра. И куда мужики смотрят? Не пойму я.

– Душевная, – согласилась Груня.

– А ну, повертись еще, погляжу на тебя, – вновь улыбнулась Надежда Вадимовна, – Красавица ты у меня выросла. И куда собралась?

– Бабуль, на выставку! Представляешь, к самому Шахову! Билетов не достать! – не удержалась и похвасталась девушка.

– Если не достать, то чего идти? У калитки постоять? Так лучше дома сиди, вон я и пирогов напекла, с капустой, как ты любишь, – заворчала старушка по-доброму, вновь украдкой смахивая слезу. Уж очень похожа стала Грушенька на покойную невестку.

– А меня Василий Павлович с собой берет! – радостно выпалила Грунька.

– Это который? – нахмурила брови старушка, – Ентот что ли? С цветами? Видала я его на свадьбе у Соколовых. Мужик, конечно, видный. Тут не поспоришь. Но ты у меня барышня воспитанная, девочка совсем. А он уже давно не юнец.

– Бабуль, – всплеснула руками Груня и сунула ноги в туфли-лодочки, которые успела достать из коробки, – Я же просто на выставку схожу. А ты придумала себе лишнего.

– Ага, столько цветов просто так не дарят, – проворчала бабушка, подходя к окошку, на котором стояло ведро с цветами, и отрывая увядшие лепестки.

Грунька улыбнулась. Как бы ни ворчала бабуля, а цветы ей нравились. Вот и ухаживает за ними лучше самой Груни, воду меняет каждый день, беседует с ними украдкой.

Бросив взгляд на дисплей телефона, Груня поняла, что уже почти четыре. Вот-вот должен явиться Барычинский за ней. И девчонка совершенно не знала, как вести себя в его присутствии.

В дверь позвонили, и Груня поняла, что настал тот самый момент, когда она выйдет к Василию Павловичу не в простых джинсах или в униформе, а в черном вечернем платье чуть выше колен, ладно облегающем фигурку, в туфлях на невысоком каблуке, с уложенными и чуть подкрученными локонами. И, самое удивительное, девчонка ждала реакции Барина. Едва ли не больше, чем визита на саму выставку.

Бабушка открыла дверь, а Грунька замерла на пороге своей комнаты.

– Здравствуйте, – услышала Груня глубокий голос Барычинского.

– Здравствуйте, здравствуйте, – хмыкнула старушка, и, повернувшись к внучке уже громче крикнула, – Грушенька, а здесь у нас ухажер на пороге. Чего делать с ним? Пирогам кормить? Аль так пускать?

Груня рассмеялась, видя, что старушке приносит удовольствие роль бабушки-простушки.

– А пироги вкусные? – не растерялся Васька.

– Шутите, молодой человек? – подбоченилась Надежда Вадимовна, и уже громче в квартиру, – Грушенька, ухажер твой – шутник, оказывается.

– Бабуль, – Груня решила вмешаться в беседу бабушки и начальства, – Во-первых, это не ухажер, а Василий Павлович. А во-вторых, мы не успеем с пирогами. Ехать далековато.

Грунька уже успела дойти до коридора и снять с вешалки свое пальто. Приветливо улыбаясь застывшему на пороге Василию Павловичу, девушка коротко поцеловала старушку в щеку.

– Я мигом тогда, – спохватилась старушка, – В дорогу соберу. По пути и съедите. Василий вон какой мужчина. Такую гору кормить нужно, как следует, по-богатырски.

Грунька улыбалась Барину, застегивая пуговицы на пальто. Старушка потопала на кухню, собирать пироги в дорогу. А Васька все также стоял, хмуро глядя на девчонку.

– Вы извините, Василий Павлович, – вздохнула Груня, – С ней спорить бесполезно.

– Угу, – хмыкнул Васька.

А Груня заметила, что в руках мужчина держит небольшой, по сравнению с прежним, букет цветов. Букет был красиво собран и украшен. Вновь ярко-красные розы, а в центре композиции – более светлые, практически белые.

– Димку не нашли? – улыбнулась хитро Груня, – Решили без него справиться?

– Какого Димку? – хмуро спросил Барычинский.

– Соседского мальчишку, – пояснила Груня, кивая на букет в руках Барина.

Васька перевел взгляд на цветы в своих руках, взглянул, словно видел его впервые.

– Ну, – только и произнес Бася и протянул букет пигалице.

Тут же появилась бабулька с пакетом пирогов. Обменяла сверток на цветы, и, распахнув дверь, выпроводила молодежь из квартиры. И как только внучка с кавалером вышла из подъезда, Надежда Вадимовна уже звонила соседке, жене полковника Соколова. Тактично напросившись в гости, Надежда Вадимовна, прихватив бутылочку вишневой наливки от Нюры, ушла к соседям. И уже там, вместе с Антониной Макаровной они решили, что нужно бы пригласить на рюмочку домашней вкуснотищи нового человека, недавно влившегося в их кружок веселых пенсионеров. Мария Семеновна Черепанова не заставила себя долго ждать. И спустя сорок минут, Надежда Вадимовна знала всю биографию Василия Павловича Барычинского, друга детства соседского зятя.

* * *

Дороги в такой час были почти пустыми. Но Васька все равно хмурился. В голове вертелись только маты. Вот что делать, а? Не воспринимает пигалица его, как ухажера! Василий Павлович! Мать его етить!

– Василий Павлович, мне кажется, вы превышаете допустимо разрешенную скорость, – тихо заметила Груня, неотрывно глядя на приборку.

Васька крепче сжал руки на руле, пытаясь унять неуместный совершенно гнев. Игнорируя замечание девушки, Васька вздохнул.

– Обязательно по отчеству называть? – тихо спросил он, бросив на девчонку взгляд.

– Вы мое начальство, – пожала плечом Груня.

– Давай так, я не называю тебя пигалицей, – предложил Васька, – а ты меня Павловичем. Идет?

– За стенами ресторана, – выдвинула Груня.

– Идет, – согласился Барин, чуть улыбнувшись.

Нет, это ведь шаг вперед? Небольшой, правда. Но с другой стороны, они едут вдвоем культурно отдыхать. Чем не свидание? Еще немного и перейдут на «ты».

Нет, кажется, все весьма неплохо.

Настроение Баси стремительно поползло вверх, и он даже сбросил скорость до допустимой отметки на этой части трассы.

Загородный дом Марка Шахова, в котором и была организована выставка в этот день, встретил вновь прибывших гостей длинной вереницей припаркованных по обочине подъездной аллеи машин. Васька отыскал свободное место, припарковался и вышел. Даже умудрился придержать дверцу для пигалицы. По лицу Груни Василий видел, как девчонка волнуется, нервничает и переживает.

– Ой, билеты же у меня, – спохватилась Груня, открыв сумочку и принявшись искать в ней конверт.

Васька только снисходительно улыбнулся, глядя на рыжую макушку, на хрупкие плечи, по которым рассыпались длинные локоны волос. Взгляд сам собой скользнул на ее ноги, стройные и красивые, такие, что вмиг захотелось провести по ним ладонями. По черному платью, тоже красивому и коротенькому. На черные туфли на невысоком каблучке. А потом Барычинский нахмурился. Ведь холодно уже, а она в туфлях. Совсем безголовая!

– Пойдем, – коротко скомандовал Васька и, прихватив девчонку за локоть, потащил в сторону крыльца.

Оказавшись в просторном холле трехэтажного дома, Груня в удивлении вертела головой в разные стороны. Ни разу она не бывала еще в подобных особняках, шикарных, стильных, как в модных журналах, и на подобных мероприятиях.

Стены были увешаны огромными фотографиями – работами Шахова, некоторые из них она видела на мастер-классе. И с первых же шагов Груня просто обомлела, одновременно боясь и отчаянно желая прикоснуться к глянцевым холстам.

– Вася, – благоговейным шепотом произнесла Груня, замерев напротив очередной фотографии, около двух метров высотой, в черно-белом стиле, на которой был изображен силуэт, – Только посмотри! Я бы никогда так не смогла! Слов просто нет, настолько она красивая!

– Думаете? – услышала за спиной Груня смутно знакомый мужской голос.

Обернувшись, девчонка замерла, широко распахнув глаза. Марк Шахов собственной персоной стоял позади нее, держа в руках бутылку с пивом, смотря на Груню поверх стильных очков в модной оправе и загадочно улыбаясь.

– Вот видишь, Бася, ценят твою хмурую рожу, еще и такие красотки, – хохотнул Шахов, – А ты все: отвали, да отвали.

Груня перевела взгляд на молчаливого Барычинского, вновь взглянула на стену с изображением мужской спины.

– Это вы? – удивилась Груня, во все глаза рассматривая обнаженные плечи, спину, затылок натурщика, – Невероятно просто!

– Невероятно, – рассмеялся Марк Шахов, – Это то, что он согласился. Я его полгода уговаривал.

– Завязывай языком чесать, – проворчал Василий, – Вали к гостям, нехрен без дела шлаться.

Груня еще больше удивилась. Как можно в таком тоне разговаривать с кумиром и маэстро?

– А мне, может быть, здесь интереснее, – не унимался Марк и протянул Груне руку, – Позвольте представиться, Марк Шахов!

– Не верь ему, Груня, – хмыкнул Васька, пряча руки в карманы брюк, – Ванюша Пупкин он по документам.

– Агриппина Пепел, – ошарашено произнесла Груня и протянула руку маэстро.

Мужчина тут же принялся целовать ее ладонь, вроде бы галантно, но гораздо дольше, чем того требовали правила этикета.

Груньке захотелось отдернуть ладошку, но Шахов, то есть Пупкин, только крепче ее сжал.

– А хотите, я подарю вам свою работу? – проникновенно зашептал Шахов, придвигаясь ближе к Грунечке и заискивающим взглядом заглядывая в зеленые наивные глазки.

– Сразу нет! – вмешался в разговор Василий, – Ваня, не борзей!

– Да ладно, Бася, – махнул рукой Шахов, – Агриппина, у меня к вам небольшое предложение. У вас такое изумительное лицо! Такая фигура! Всё! Решено! Я меняю любую свою работу на ваш портрет! Вот даже Ваську забирайте! Пусть я и гонялся за ним сто лет. Не жалко! А вас хочу в свою коллекцию!

– К стоматологу на прием сперва запишись, – пробормотал Васька, глядя на приятеля с прищуром, прикидывая, когда именно проредить ему зубы.

– Я даже и не знаю, – растерялась Груня, глядя на Василия Павловича, потом на его фотографию, вернее, его спины, и вновь возвращаясь к маэстро, – Она же двухметровая, мне и повесить ее некуда.

– Слышал? – хмыкнул Васька, – Захлопнись и двигай к своим меценатам.

Но Шахов не привык так легко сдаваться. По взгляду девчонки он понял, что именно эту фотографию она точно захочет в свою коллекцию.

– Я вам, Агриппина, и автограф чиркну, там и место свободное есть, – увещевал голосом змея-искусителя Шахов-Пупкин.

– Давно в травме не был? – ворчал Васька где-то на втором плане.

А Грунечка поняла, что уже согласна. Просто Василий Павлович, в полный рост с обнаженным торсом и в джинсах, но босой, еще и через объектив камеры ее кумира, смотрелся невероятно шикарно.

– Ну, хорошо, – едва заметно улыбнулась Груня, а Васька не заметил, как скрипнул зубами.

– Без самодеятельности, – пригрозил Васька, ухватив приятеля за ворот рубашки, пока Груня в очередной раз отвернулась к стене с фотографией.

– Василий, выдыхайте ровнее, – засмеялся Марк-Ваня, хлопнув приятеля по спине, и, перехватив Груню за локоток, потащил вглубь дома.

Васька, матерясь тихо под нос, шел следом. Нет, ему, несомненно, льстило, что пигалица выбрала именно его фотку. Но, млин, как же хотелось, чтобы Пупкин не вертелся вокруг нее.

– Только я не могу топлес, – прошептала Грунька скромно.

– Нью? – предположил Шахов, заводя девчонку в просторную комнату-студию и включая освещение.

– Херню не морозь! – рявкнул Васька.

Фотограф поморщился, а Груня даже и бровью не повела. Привыкла уже за последнее время к реву раненого бизона в исполнении Барина.

Васька уселся на небольшой диванчик в дальнем углу комнаты, предварительно стянув пиджак и расслабив галстук. Нет, эта удавка его прикончит. Или Шахов своими выкрутасами. Или Груня всей собой, такой красивой и доверчиво наивной.

Откинувшись на спинку дивана, Бася наблюдал за этой парочкой. Василий видел, как скованно чувствует себя пигалица. Неуютно ей в роли модели. Девочка все больше привыкла быть по ту сторону объектива. Васька невесело хмыкнул. Этот Шахов кого хочешь достанет. Сам полночи с ним тут проторчал. И нахрена, спрашивается? Но душу грела мысль, что пигалица заберет его фотку себе домой. Определенно грела.

* * *

Глава седьмая, в которой Груня Пепел встанет перед непростым выбором

Минут двадцать Шахов прыгал и скакал вокруг пигалицы. Васька зорко следил, чтобы приятель не позволял себе лишнего. А потом, когда в кармане фотографа зазвонил мобильник, Барычинский даже, наглым образом, обрадовался и выдохнул, точно зная, что почти весь бомонд города и региона Шахову не позволят оставить без своего присутствия.

Извинившись, Марк, недовольно ворча и хмурясь слинял, бросив напоследок царственным тоном фразу, что позволяет им остаться в святая святых его резиденции.

– Вали уже, – хмыкнул Васька, поднимаясь с дивана.

Марк испарился, а Груня позволила себе осмотреться. Обычная мастерская с высокими до потолка окнами. Но что-то витало в воздухе, что-то сказочно-волшебное. И Груня поддалась порыву и достала свою старенькую камеру из сумки, оставленной на стуле вместе с пальто.

Торопливо, словно боясь, что прервут, Груня принялась отщелкивать кадрики один за другим. И вдруг поймала объективом стоящего около окна Барина. Мужчина опирался рукой о стену, вторую спрятав в карман брюк, а сам смотрел на улицу. Широкий разворот плеч и капельку ссутуленная спина навела девушку на мысль, что Барычинский думает о каких-то важных для него вопросах.

Боясь передумать, Грунька щелкнула и Ваську. А потом еще и еще, двигаясь и пытаясь поймать нужное освещение и удачный ракурс.

– Улыбнитесь, зачем хмуриться? – вдруг проговорила Грунька, а Васька вскинул голову, словно очнулся от тяжелых мыслей.

Заметив, как девчонка, широко улыбаясь, скачет вокруг него с фотиком, Васька и сам улыбнулся. Смешная она, все-таки. И красивая. Безумно красивая. До одури.

Грунька тем временем сменила угол съемки, подойдя с другого бока.

– Ну, все, хватит, – хмыкнул Васька, отлипая от стены.

– Как это хватит? – возмутилась Грунька, – Не могу я упустить такой шанс и не поработать в храме великого мастера фотографии! Тем более, с его моделью.

– Тоже мне модель, – мотнул головой Васька, шагнув ближе к девчонке, – Все, завязывай. Но Груня не слушала Барина, а, звонко смеясь, не переставала фотографировать Василия.

– Груня, не шали! – пригрозил Василий, сам заражаясь настроением пигалицы.

Ему вдруг тоже захотелось смеяться и сделать какую-нибудь милую глупость.

Шагнув еще ближе, Васька вдруг понял, какую именно шалость он сделает. И чтобы заглушить угрызения совести, Барычинский на всякий случай, произнес строгим голосом, но взгляд его смеялся:

– В последний раз предупреждаю!

– Иначе что? – смеялась Груня, отступая назад и не переставая щелкать камерой.

Васька предпочел не повторяться. Мало ли, послушается и перестанет. И тогда точно не будет благоверного предложения для грядущей шалости.

Стремительно преодолев расстояние до девчонки, Васька крепко ухватил ее ладонями за осиную талию и притянул к себе. В первую секунду Груня застыла, судорожно втянув воздух в легкие, голову в плечи, а камеру прижав к груди. Во вторую – хлопнула ресницами, когда Васька приблизился на столько, что его дыхание опалило лицо Груньки. А в третью девчонка прикрыла глаза, потому что настойчивые и твердые мужские губы накрыли нежные и чуть подрагивающие женские.

Безвольные руки Груньки с зажатой в них камерой были отведены в стороны сильными мужскими ладонями и сами собой опустились вдоль тела, а из онемевших в одно мгновение пальцев выпал многострадальный фотоаппарат.

Васька что-то простонал, не желая разрывать объятий, не собираясь выпускать пигалицу из рук, зарываясь пальцами в длинные локоны. Не сейчас, когда он стал бредить ею, особенно во сне. Днем он хотя бы мог торчать в ресторане и смотреть на нее со стороны. А вот ночами... Когда тело сковывало возбуждение от проклятых эротических снов в главной роли с пигалицей, становилось неважно. И вот Васька дорвался до желаемого. И уже точно не мог остановиться.

Он вдыхал аромат девчонки, напоминавший ему весну. Дурел, словно махнул залпом литр элитного высокоградусного алкоголя. И не мог надышаться. Не мог разомкнуть рта, просто, чтобы дать пигалице вздохнуть, не мог оторваться от ее губ. А еще дурел от того, какой податливой она стала в его руках. Как ее пальчики скользнули по его плечам. Ладонки проšli по шее, ероша короткие волосы. Как девчонка судорожно вздохнула носом, но не отстранилась. Наоборот, прильнула ближе, так, что Васька чувствовал грудь через рубашку каждый изгиб девичьего тела. И понимал, что ему нужна эта девчонка, которая не боится высказаться в лицо, которая с головой бросится на защиту малознакомых, но, по ее мнению, несправедливо обиженных, даже если обидчик вдвое больше и сильнее ее самой, которая умеет радоваться даже лучам света, падающим через окно ресторана, и бесформенным облакам на небе. Девчонка, которая своей улыбкой яркими красками разрисовала его жизнь. Девчонка, напоминавшая ему солнечного зайчика, неутомимого и неуловимого.

К огорчению Баси, поцелуй не мог длиться вечно. И чуть отстранив пигалицу от себя, Василий взглянул в смущенное, растерянное и прекрасное лицо Груни.

Взмахнув пару раз густыми ресницами, словно прогоняя наваждение, но, к радости Васьки, не убирая ладоней с его груди, пигалица смущенно отвела взгляд.

Васька не хотел выпускать девчонку из рук. Но и понимал, что ей нужно время, чтобы привыкнуть к изменениям в их отношениях.

– Вася, кажется, он разбился, – потерянno прошептала Груня, умудрившись выскользнуть таки из крепких объятий, и начиная пятиться от парня назад.

Она пребывала в шоке. Губы нещадно горели и помнили вкус поцелуя Барина. Сердце тарабанило в груди так, что кровь летала по венам со скоростью света. А глаза мало верили во все происходящее.

– Грунечка, – ласково пророкотал Бася, – Лучше не бегай от меня. Все равно не убежишь.

– Я разбила камеру! – выдохнула Груня, пытаясь зацепиться хоть за какую-нибудь причину не поддаваться чувствам и соблазну.

– Иди сюда, зайчонок, – оказывается, хам-Василий умеет ворковать низким ласковым голосом, – Брось ты эту стекляшку. Новую куплю.

– Все для тебя так просто?! – задохнулась Груня, – В ней половина моей жизни! А ты – «новую куплю»! И ничего она не стекляшка!

Пигалица принялась подбирать с пола то, что осталось от фотоаппарата.

Бася, словно в ступоре, наблюдал за согнувшейся над полом фигуркой. Длинные волосы покрывалом рассыпались по плечам и спине. Пигалица горько вздыхала. А потом и вовсе ее плечи поникли и странно вздрогнули.

– Грунь, ты чего? – тихо и хмуро спросил Василий, присаживаясь рядом с девчонкой. Та уже успела собрать пострадавшую технику и прижать к груди. А у Васьки словно ком заложил все горло, и не продохнуть, не сделать вдоха.

Пигалица сидела на полу, прижимала к себе сломанный фотик и часто-часто моргала ресницами. Васька сжал рукой свою черепушку, ероша короткие волосы.

– Ясно, – нахмурился Васька.

Поднялся на ноги, поднял девчонку, ухватившись за плечи. Та даже и не отстранилась. Только еще горше вздохнула. Бася прихватил пальто со стула, свой пиджак, и, удерживая девчонку за ладошку, поволок к выходу. По пути встретился Марк. Хотел было остановить приятеля и его девушку, да передумал, видя решительное и привычно хмурое лицо Барина.

– Курьером пришлю, – мотнул головой Шахов на висящую на стене работу, подаренную Агриппине.

Васька кивнул, завернул девчонку в пальтишко и вытянул на улицу.

– А как же выставка? Я еще не все работы посмотрела, – вздохнула Груня, оглядываясь на особняк.

– Не дрейф, зайчонок, – едва заметно улыбнулся Бася, – Организую индивидуальный показ. По благу.

Груня сидела в дорогой машине, рядом с удивительным, пусть и хамоватым и хмурым мужчиной и готова была вот-вот разрыдаться. В руках она держала сломанный и дорогой сердцу фотоаппарат, да только не он был причиной ее слез.

Пепел совершенно растерялась. Она не знала, как смотреть в глаза Барину. Как говорить с ним. Как работать дальше. Сейчас она видела два выхода: первый – уволиться, второй – полностью избегать любых контактов с начальством. И, положив руку на сердце, ни первый, ни второй выход ей не нравился.

Погруженная в тяжелые мысли, выбитая из колеи поцелуем и своей реакцией на него, а еще ласковым «Зайчонок» и глубоким бархатистым тембром голоса Барина, Груня и не заметила, как черный Мерседес припарковался около огромного торгового центра бытовой техники, который, как назло был открыт для покупателей до полуночи.

– Василий Павлович, – спохватилась Груня, – Не нужно, правда! Я этот в ремонт отнесу.

– Пигалица неугомонная, – вздохнул Барин, а потом, повернувшись к девчонке и заглушив движок, улыбнулся, – «Вася» в твоём исполнении мне нравится больше.

Барин вышел из машины, обошел ее, открыл Груне дверь.

Пигалица все еще сидела, глядя на него своими огромными глазенками. Спасибо, хоть перестала прижимать к себе сломанный фотик.

– Выходи, – хмуро проговорил Васька и протянул руку к сломанной игрушке пигалицы.

Не слушая ее возражений, забрал треснувший и отколотый в нескольких местах фотоаппарат, а другой рукой вытянул пигалицу из машины. Широким шагом Васька направился в сторону входа.

– Василий, ну что вы, в самом деле?! – ворчала Грунька, торопливо следуя за Васькой.

– Мы не на работе! – уже начинал терять терпение Васька, а потом заставил себя сбавить обороты, – Без отчества и на «ты». Мы же договорились.

Застыв у входа, Барычинский хмуро посмотрел на пигалицу. Растерянность никуда не делась из ее взгляда. И Вася вздохнул. Вот ведь, млин, а!

Барычинский решил, что сотрясать воздух не стоит. Может и не поверить. Но не говорить ведь ей после первого поцелуя, что никуда он ее теперь и не отпустит?

Поэтому, вздохнув еще раз, Васька рукой, в которой держал камеру, обнял девчонку за талию, придвигая к себе. А второй погладил по розовой щеке. Минуту он молчал, смотрел на нее сверху вниз.

И Груня тоже молчала, только хлопала ресницами. А потом очень сильно постаралась скрыть улыбку. Потому, что вид осторожно целующего ее в нос Василия Павловича несказанно ее веселил. Ей тоже хотелось сделать какую-нибудь милую глупость. Но пока Грунька выбирала, какую часть лица Барина она хотела бы легко поцеловать, мимолетно, едва ощутимо, он уже, улыбнувшись уголками рта, вновь потянул ее к дверям магазина.

Войдя в торговый центр и отыскав нужный отдел, Барычинский кивнул парнишке-консультанту. Продавец подлетел к потенциальному клиенту, дежурно улыбаясь.

– Вот типа такой, только фуфло не суй, – хмуро велел Василий Павлович в своей манере и вручил парню Грунькин фотоаппарат.

А Груня сокрушенно покачала головой.

– Мягче нужно быть с людьми, Василий Павлович, – пожурела пигалица Барина, – Улыбнулись бы, выразились цивилизованнее.

– Он что, баба, чтобы ему улыбаться? – хмыкнул Васька, а сам демонстративно поправил на девчонке пальто, а то вон какой шустрый малый, и на аппаратуру смотрит и умудряется на его девчонку коситься.

– Вася, – вздохнула Груня, заглядывая парню в глаза, – не баба, а девушка. Выходит, что и я не баба? Мне ты тоже не особо улыбаешься.

Васька смотрел, как девчонка прячет под ресницами озорной огонек, как улыбается своими ямочками, провоцирует его, и одновременно отчитывает, как сопливого юнца.

– Вот эта модель новее вашей, – вторгся голос консультанта в их задушевно-воспитательную беседу, и Васька начал прикидывать, как бы вежливее попросить парнишку свалить подальше, но не успел, пигалица уже рассматривала предложенную камеру.

– Нет, эта сильно дорогая, – заявила Груня, отходя от Василия на пару шагов.

– Тогда могу предложить вот эту, – подошел парень к фотике подешевле.

– Слышь, друг, – вмешался Барычинский, – Не лепи мне тут! Сказал, фуфло не требуется. Вот и предлагай что получше.

– Но, Василий Павлович! – подала голос пигалица.

– Не лезь, – мотнул головой Васька, а потом мягче, – Погуляй пока. Может, еще чего присмотришь.

Агриппина Ильинична секунду смотрела на Василия. И как это понимать? По какому праву он здесь раскомандовался, словно в «Барине» сидит!

– Знаете что, Василий Павлович, – прищурилась пигалица и, шагнув к парнишке-консультанту, забрала у него свой фотоаппарат, – Мне ничего не нужно. Я не просила. Отвезите меня домой.

– Грунь, брось, – вздохнул Васька, – Я не то хотел сказать. Я ж не подумал.

– А вот и зря, – встряхнула головой пигалица, а Васька понял, что вот ни черта он не понял.

Груня, развернувшись, гордо топала к выходу. А Васька, скользнув взглядом по стенду с товаром, выбрал самый дорогой, ткнул пальцем консультанту.

– Этот оформляй, – распорядился он, – В темпе давай.

А сам рванул за девчонкой. Нет, вот он что, пацан желторотый, бегать за ней? Матеря себя последними словами, среди которых мелькали фразы «каблук», «идиот» и «тормоз», Барин догнал Груньку на ступеньках центра уже на крыльце.

– Зайчонок, ну хватит, – обратился Василий, перехватив ее за руку.

– Мне не нужно ничего, правда, – поджала губы пигалица, – тот поцелуй не дает вам никакого права командовать мной.

– Грунька, – вздохнул Василий, – Ну вот такой я, понимаешь? Не могу ничего поделать. Хам и грубиян.

Груня смотрела на Барина, и злость испарилась. Мужчина стоял перед ней на ступеньке ниже. Их лица были почти на одном уровне. Хмурое и суровое лицо Васьки не отталкивало и не пугало. Наоборот, жутко притягивало. А потом, когда произошло совершенно неожиданное событие, Грунька и вовсе растерялась.

Уголки рта Барычиснского поползли вверх, а широкая улыбка заплясала на его лице.

– Ты красивая очень, – удивил ее Василий.

– Под зарплату, – вздохнула Грунька, понимая, что вот этой улыбке отказать не может.

– Красивая под зарплату? – переспросил с хитринкой во взгляде Васька, – Так я тебе каждый день буду зарплату выдавать.

– Дурной, – рассмеялась Груня, – Камеру под зарплату. В подарок не возьму.

– Пойдем, горе ты мое рыжее, – улыбался Василий, беря в плен ладони тонкую ручку пигалицы. Ага, под зарплату, как же.

– Василий, я серьезно, – потянула Грунька Барина за руку, заставляя остановиться.

– Так и я не шучу, – подмигнул Васька и потащил девчонку обратно в магазин.

Консультант уже маячил перед кассой. Васька, кивнув, забрал коробку с фотиком, вынул бумажник из кармана.

– Вася, – тихо прошептала Груня, – Эта не та камера.

Васька нахмурился, глянул на консультанта вопросительно. дождался кивка.

– Та, не волнуйся, – улыбнулся Васька Груне и одновременно протянул кассиру кредитную карту, – Знаешь, я чет жра... проголодался. Тут недалеко есть кафе приличное.

– Отказаться я, конечно же, не могу? – поинтересовалась Груня, глядя на ямочку на щеке Барина. Милую такую, мальчишескую. И понимая, что да, отказаться она не сможет. Да и, собственно, не хочет.

* * *

Кафе было уютным, с удобными мягкими диванчиками и вкусной кухней. Нет, не такой, естественно, как у Михалыча, о чем Груня не забыла упомянуть. Васька только хмыкнул. После еды жутко хотелось курить, но он терпел, сидя напротив пигалицы и слушая ее веселое щебетание. Основной темой стало творчество Шахова. Бася, едва заметно улыбаясь, рассказывал о приятеле без зазрения совести всю подноготную. О том, как они учились в параллельных классах, и как забитого пацана Ваню с жуткой фамилией Пупкин все в школе гнобили и опускали ниже плинтуса. А Васька по необъяснимым причинам вступился. Но после школы дороги разошлись. Единственным другом Барина стал Гера Черепанов, а с Пупкиным судьба вновь свела гораздо позже.

– Значит, подрабатываешь натурщиком в свободное время? – задорно поинтересовалась Груня.

– Да это было-то разок, – отмахнулся Василий, скользя по лицу пигалицы жадным взглядом. Кажется, он готов вот так просидеть всю жизнь, наблюдая за тем, как она пьет чай, помещая сахар ложкой.

Барычинский вдруг наклонился немного вперед, опираясь локтями о стол, и рукой накрыл свободно лежавшую ладошку пигалицы.

– Давай завтра ходим куда-нибудь? – вдруг предложил Барин, а Груня замерла.

– А куда? – растерялась Грунька.

– Зайчонок, я не знаю, – честно признался Васька, перевернув ладошку и водя по внутренней стороне большим пальцем, – Я не мастак в романтических делах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.